

Яқов Верховский
Валентина Тирмос

«Город
Антонеску»
Книга I

Яков Верховский
Город Антонеску. Книга 1

«ОМІКО»

2017

УДК 821.161.1(569.4)

ББК 84(5Изр=Рус)

Верховский Я.

Город Антонеску. Книга 1 / Я. Верховский — «ОМКО», 2017

Авторы книги – Яков Верховский и Валентина Тырмос – коренные одесситы, ныне живущие в Израиле. Будучи детьми, они пережили все ужасы румынской оккупации Одессы во время Второй мировой войны и лишь чудом остались в живых. Всю свою сознательную жизнь они собирали свидетельства уничтожения евреев Одессы (и своих семей в том числе), разыскивали в архивах редкие документы – румынские, немецкие, советские – и проводили свое независимое расследование. «Город Антонеску» – главная книга их жизни, ведь история двух еврейских семей это, по большому счету, трагическая, страшная история всех евреев Одессы. Жанр этого произведения так просто не определить. Мемуары? Историческое исследование? Аналитика?.. Когда все это заключено в одну пылающую эмоциями художественную форму – получается вот такая необычная книга. Из-за приводимых в ней страшных фактов ее очень тяжело читать, но оторваться – еще труднее.

УДК 821.161.1(569.4)

ББК 84(5Изр=Рус)

© Верховский Я., 2017

© ОМКО, 2017

Содержание

Книга 1	5
Пролог. Зачем мы не чайки...	5
Действие первое: «Odessa a cazut!»	8
Говорят, что румыны не убивали...	8
Антонеску и его личные «жиды»	10
Любовь с первого взгляда	12
Румынское орудие уничтожения	14
Генеральная репетиция	15
«Звездный час»	16
Представление начинается	17
Ода одесским дворникам	19
Тюремный замок	21
От Ролли: Кукла с чернильным носом	23
Действие второе: «Концерт на Маразлиевской»	27
Румыны в шоке	27
Что знал и чего не знал генерал Трестиореану?	28
Дом на Маразлиевской	29
Кто «смастерил» ловушку?	30
Честь и слава	32
Ордонанс № 561	34
Что знал и чего не знал Сталин?	35
Бабий Яр	38
Еще несколько слов о разведке...	40
Нота Молотова	43
Заставь дурака Богу молиться...	44
«Город Антонеску» – город повешенных	45
Обиталище повешенных	47
Действие третье: «AD LITTERAM!»	49
Траурный поезд	49
Трагедия полковника Попеску	50
«Приказ – камуфляж»	51
На Дальник...	53
Счастливая случайность	55
Банальность Зла	56
Дьявольская методика	58
Бойня на Дальнике	61
Ордонанс № 563: «ВЗОРВАТЬ!»	64
Дом на Дзержинского	65
До последней буквы!	67
От Янкале: Мы бежим с Дальника	68
Между-действие первое: Когда в Одессу пришла война	71
Мадригал	71
Плод любви	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Яков Верховский, Валентина Тырмос «Город Антонеску»: в 2-х книгах. Книга 1

*Есть город, который я вижу во сне, О, если б вы знали, как дорог
У Черного моря явившийся мне В цветущих акациях город...
Леонид Утесов*

Книга 1 Исторические хроники 1941—1944

Пролог. Зачем мы не чайки...

Одесса, 16 октября 1941 г. 5 часов 30 минут утра

Так уж истари ведется, так устроена природа, что в минуту опасности люди, животные и даже птицы в первую очередь спасают своих детенышей, своих птенцов.

Из Лондона начали эвакуировать детей еще до начала Второй мировой – в тот самый день, 23 августа 1939-го, когда правительству Чемберлена стало известно о полете германского министра иностранных дел фон Риббентропа в Москву.

Из Берлина детей эвакуировали в конце августа 1940-го – сразу же после того, как тяжелые английские бомбардировщики совершили свой первый налет на германскую столицу.

В начале июня 1941-го, готовясь к нападению на Советский Союз, Финляндия объявила призыв резервистов и, одновременно с этим, начала вывозить детей из опасных зон. В то же время и по тем же причинам кондукаторул Румынии Ион Антонеску дал приказ об эвакуации детей из Бухареста.

Сразу же после внезапного и вероломного нападения Германии, 23 июня 1941-го, из Минска были эвакуированы 110 детских домов, 25 детских садов, 28 пионерских лагерей и три детских санатория.

Из Ленинграда детей дошкольного и школьного возраста начали вывозить задолго до начала блокады, 27 июня 1941-го, и во время блокады продолжали вывозить – под бомбами по ледовой «Дороге жизни».

С начала июля 1941-го детей уже вывозили из Москвы.

В одном из своих знаменитых газетных репортажей «Москва в эти дни» 17 июля 1941-го Илья Эренбург писал: «Один за другим уходят поезда с детьми. Уехали школы, детские дома. Вот поезд с детьми писателей, вот другой – с детьми железнодорожников. Кажется, не видел я города, где было бы столько ребятшек, они вместе с воробьями заполняли гомоном московские переулки. Теперь воробьи остались без товарищей...»

И хотя поезда с детьми уходили в тыл почти ежедневно, было принято решение ускорить эвакуацию, и уже в августе вышел правительственный указ, предписывающий немедленно вывезти всех оставшихся детей. С этого дня специальная комиссия начала обходить дома, проверяя, не остались ли случайно где-нибудь «недоевакуированные» дети.

В июле-августе 1941-го из Москвы было вывезено 500 тысяч детей!

А как же мы? Дети Одессы?

Еврейские дети Одессы?

Одесса уже 73 дня ведет героическую борьбу с врагом.
С начала войны из города эвакуировали более половины ее жителей.
Вывезли в тыл заводы, фабрики, больницы, лаборатории, музеи, библиотеки.
Вывезли продукты питания, сырье и даже металлолом.
Вывезли паровозы с тендерами, полными топлива и даже воды.
Вывезли пленных румынских солдат. Вывезли лошадей.
Вывезли все, что представляло собой какую-то ценность.
Еврейские дети остались в Одессе.
Еврейские дети, как видно, ценности не представляли.
Сколько нас было?
Не 300 тысяч, как в Ленинграде.
И не 500, как в Москве.
Всего лишь каких-то 40 тысяч.
Все 40 тысяч будут уничтожены.
Чудом останутся в живых единицы.

16 октября 1941 г. 5 часов 30 минут утра...

Хмурый осенний рассвет окрашен багровым заревом пожаров.
Защитники Одессы уходят.

В течение нескольких часов главные силы Отдельной Приморской армии скрытно оставили боевые позиции и, пройдя пешим маршем около 20 километров, вышли в порт и погрузились на специально прибывшие транспорты и военные корабли. С рассветом подошли прикрывавшие отход арьергарды, и амбаркация была завершена.

Один за другим корабли отдают швартовы, выходят в море и выстраиваются в караван.

В 5 часов и 10 минут утра последнее транспортное судно – старый грузовой пароход «Большевик», обогнув Платоновский мол, занимает назначенное ему место в конце каравана. Двадцатью минутами позже выходит в море флагманский крейсер «Червона Украина» с командующим Одесского оборонительного района, контр-адмиралом Жуковым на борту.

Последним уходит катер с саперами – они уничтожили и взорвали все, что еще оставалось в порту.

Вот и все...

Прощай, Одесса.

Последний морской караван взял курс на Севастополь.

В суровом молчании режут холодные волны корабли.

А над ними... какое чудо!.. в первых лучах восходящего солнца парит огромная стая белоснежных чаек!

Как далекий привет из другого, мирного, времени.

И вот что удивительно – крикливые эти птицы сегодня необычайно тихи.

Словно чувствуют, понимают важность этого каравана, словно боятся выдать нечаянно его галс!

Существует легенда, что чайки покинули город вместе с его защитниками.

Чайки покинули город...

А дети? А дети остались.

Еврейские дети остались в Одессе.

Мы остались в Одессе.

Для нас не нашлось места на кораблях каравана.

Для нас не нашлось места даже на том, старом грузовом пароходе «Большевик», который, за неимением «ценных» грузов, шел в конце каравана в балласте.

Для нас нигде не нашлось места.

А крыльев у нас не было – мы ведь не чайки...

Еврейские дети остались в Одессе, в Одессе, в которую уже сегодня, уже через несколько часов, войдут убийцы.

А ведь нас еще можно было спасти.

Ну, может, не всех, не все 40 тысяч.

Может, только несколько тысяч, несколько сотен.

А может быть, одного. Хотя бы одного ребенка.

Одну детскую душу... Но нет...

Мы остались в Одессе.

Двое детей – пятилетняя Ролли и десятилетний Янкале...

Действие первое: «Odessa a cazut!»

*Я не боюсь, что История назовет нас варварами...
Ион Антонеску*

Говорят, что румыны не убивали...

Одесса, 16 октября 1941 г. 16 часов 30 минут

Стук кованых румынских боканч по брусчатке мостовых.

Скрип военных каруц. Цокот копыт.

Румынские варвары входят в Одессу.

Действие первое.

Занавес поднимается...

Как найти силы, где найти слова, чтобы описать весь ужас того, что начнется сегодня, описать весь ужас того, что будет продолжаться два с половиной года: более 900 долгих дней и ночей, 21 600 часов, 1 296 000 минут?

Каждый день, каждый час, каждая минута врезались в память.

Вот уже более полувека плывут они перед нашими глазами, словно кадры старого черно-белого кино. Не стираются, не меркнут. И запечатленные на них дети – пятилетняя Ролли и десятилетний Янкале – не вырастут, остаются детьми. И все тот же в глазах их ужас.

Румыны входят в Одессу.

В 17:00 в Бухарест поступает первое донесение¹.

РАПОРТ № 302.348

16 октября 1941, 17:00

Войска 4-й армии сломали последнее сопротивление неприятеля и вошли после обеда в город одновременно по всем направлениям... С 16:00 в порту проводится акция по ликвидации последних очагов сопротивления. Население встречает наши войска с энтузиазмом.

*Командующий 4-й армией,
генерал Иосиф Якобич*

Въезд «победоносной» румынской армии в Одессу, оставленную советскими войсками почти двенадцать часов назад, был, по правде сказать, не очень торжественным. Хотя день был чудесным – хмурый туманный рассвет сменился необычным для октября ярким солнечным днем, словно лето вернулось в город. Ободренные затихшим грохотом войны, на ветках акаций чирикали воробьи, легкий ветерок весело гнал по улицам желто-красные листья платанов, обрывки старых газет и последнюю листовку обкома партии:

«Ко всем гражданам Одессы и Одесской области!

Дорогие друзья!

В связи с изменившейся обстановкой Одесса потеряла свое стратегическое значение. В силу этого Советское правительство и Ставка решили оставить город...

¹ Octavian Burcin, Zodian Vladimir, Leonida Moise. Maresalul Antonescu la Odessa. Bucuresti, Paideia: 1999.

Областной комитет партии и исполком областного Совета депутатов трудящихся призывают вас не складывать ни на минуту оружие. Беспощадно расправляйтесь с немецко-румынскими захватчиками, бейте их на каждом шагу, преследуйте по пятам, уничтожайте их, как подлых псов...

К оружию, товарищи! К оружию и грозной мести врагу!»²

Румыны в городе...

Медленно тянутся по мостовой грязно-серые колонны. Вдоль Пушкинской, Екатерининской, Преображенской...

А на тротуарах толпятся жители Одессы. Глазуют, обмениваются впечатлениями, но особой враждебности не проявляют и уничтожать «захватчиков», как «подлых псов», явно не собираются. Но и энтузиазма, о котором докладывал в Бухарест генерал Якобич, тоже, видимо, не испытывают.

Хотя... отдельные лица действительно выражают радость – в основном, по поводу «освобождения от большевиков». Эти «радостные» даже оделись по-праздничному, прихватили хлеб-соль, вытащили из чуланов пылившиеся там иконы, царские ордена, мягкие шляпы. Они размахивают этими побитыми молю шляпами, бросают в «освободителей» коробочки спичек, печенье и даже несмело кричат «ура».

Но большая часть все-таки вышла на улицы просто из любопытства, желая увидеть наконец собственными глазами «этих румын».

Говорят, что на Пушкинской, у полуразрушенного Свято-Ильинского храма, было даже нечто похожее на официальную встречу, с приветствиями и торжественными речами. Но как только окончилось торжество, все участники его разбежались, торопясь добраться домой до темноты.

Между тем и колонны «освободителей» рассыпались, растеклись по городу грязно-серыми ручейками, грязно-серыми каплями.

С явной опаской снуют они по этому чужому городу, по-воровски разглядывают нашу Одессу, бывшую для них столько дней неприступной крепостью.

Полноте, да Одесса ли это?

Такой ли виделась она Великому кондукаторулу, Великому маршалу Иону Антонеску?

Одесса всегда почему-то притягивала румын. В давние дореволюционные времена они частенько наезжали сюда – и по торговым делам, и так, развлечения ради. И почему-то именно в Одессу в 1918-м сбежал непутевый наследник румынского престола, будущий король Кароль II, когда ему приспичило, вопреки запрету родителей, обвенчаться с маленькой одесской певичкой Зизи Ламбрино.

Самому Антонеску не пришлось побывать в Одессе. Но он слышал, ему рассказывали, что этот красавец-город чем-то напоминает милый его сердцу Париж.

Антонеску мечтал об Одессе и теперь наконец получил ее!

Но таким ли видел он торжественный въезд своей «победоносной» армии в «захваченную» ею крепость?

Одесса мертва.

Улицы перепаханы бомбами и снарядами, засыпаны щебнем и осколками стекла, перерезаны баррикадами – мешками с песком, брусчаткой, вывороченной из мостовых.

Горит порт. Горит городской холодильник.

На Ришельевской горит аптека, на Дерибасовской – дом Пурица, на Екатерининской – магазин. Пожары не тушат: воды давно нет, электричества тоже нет – электростанция на Пересыпи взорвана.

² Одесса в Великой Отечественной войне: сб. док. Одесса. Одесское областное издательство, 1947.

Одесса похожа на мертвого человека. Даже море мертво – лежит неподвижно, серым свинцовым пластом – ни одного корабля у причалов.

Между тем наступают ранние осенние сумерки, и вместе с ними накатывается, совсем как будто бы неожиданно, первая кровавая волна террора.

Выстрелы... это в Сабанских казармах.

Выстрелы... это на Куликовом поле.

Крики... это уже совсем близко, где-то под самыми забытыми фанерой окнами.

Шаги бегущего человека. Топот боканч. Гортанный окрик... Режущий душу вскрик...

И тишина...

Первыми жертвами стали просто случайные прохожие.

Дыша перегаром цуйки в лицо ошарашенного человека, солдаты даже как-то весело вопрошают: «*Жидан? Жидан?*» И, не дожидаясь ответа, прикладом ружья проламывают голову.

Кровь на брусчатке мостовых.

Кровь на синих базальтовых плитках тротуаров.

К утру 17 октября повсюду валяются трупы – на Пушкинской, где только вчера проходила торжественная встреча, валяется труп Якова Зильберберга с обрывком веревки на шее, на Новом базаре – трупы расстрелянных Виктора Гойхмана и Якова Нусиновича, а на Хмельницкой, возле ворот дома № 13, труп замученного Иосифа Гиммельфарба³.

Да что же это такое? Как же это?

Почему на улицах трупы?

Ведь в город вошли не немцы, не гитлеровские людоеды. В Одессу вошли румыны, которые, как известно, «не убивают»!

«Румыны не убивают» – странный, ничем не оправданный этот миф существует более полувека. Нам приходится слышать «такое» даже сегодня в Израиле, за дружеским столом, из уст интеллигентных и безусловно порядочных людей. Евреев, между прочим.

«Да что вы, что вы!» – говорят они смущенно, стараясь нас не обидеть. – Все, о чем вы нам здесь толкуете, касается только немцев. Румыны не убивали. Нам рассказывала об этом одна русская женщина, работавшая кухаркой в доме румынского офицера. Офицер, по ее словам, с большим уважением вспоминал о вожде румынского народа Антонеску, которого никоим образом нельзя было причислить к антисемитам».

Так что же – убивали румыны или не убивали?

И был ли Антонеску антисемитом?

Антонеску и его личные «жиды»

Как многие его коллеги – кадровые офицеры румынской армии, Ион Антонеску, несомненно, был антисемитом или, скорее даже, юдофобом.

К общепринятому в Румынии бытовому антисемитизму примешивалась его личная жгучая ненависть к евреям. Все его беды, все постигшие его несчастья были связаны с «жидами» – именно так он имел привычку называть евреев.

Во всем виноваты были жиды.

Начать с того, что когда-то, в начале века, отец его бросил семью ради жидовки по имени Фрида Куперман. Эта наглая женщина сменила свою жидовскую кличку на звучную фамилию Антонеску и ни за что не желала расставаться с ней после смерти мужа⁴.

³ Все, приведенные здесь и далее зверства оккупантов, подтверждаются свидетельствами очевидцев и актами Чрезвычайной государственной комиссии. Архив института «Яд-Ва-Шем» и личный архив авторов.

⁴ *Jean Ancel. Transnistria. Bucuresti, 1998.*

Да и в дальнейшем судьба, словно издеваясь над Антонеску, всякий раз «подсовывала» ему жидов.

Непрезентабельный рыжий и прыщавый юноша, он дважды пытался устроить свою личную жизнь. И оба раза помолвки расстроились. И оба раза его несостоявшимися невестами были жидовки. А когда ему все-таки посчастливилось жениться, его женой оказалась опять-таки жидовка – некая Рахель Мендель.

Эта жидовка Рахель предала его, воткнула нож в спину – по ее, и только по ее вине их единственный ребенок умер.

Смерть сына стала для Антонеску трагедией, тем более, что, как утверждали врачи, причиной ее была как раз не «жидовка», а сам Великий кондукаторул, таскавшийся в юности по бардакам и подцепивший там сифилис.

Говорят, что именно этой, неизлечимой в те годы болезни Антонеску обязан был дикими взрывами бешенства, во время которых глаза его выкатывались из орбит, а изо рта с каким-то собачьим рыком выплевывались непечатные слова. И видимо, не случайно злые языки прозвали его «Красной Собакой».

Та же жидовка Рахель стала причиной еще одного его несчастья. Не удосужившись с ней развестись, Антонеску женился вторично и был обвинен в бигамии. И дело могло принять весьма скверный оборот, если бы один молодой адвокат Михай Антонеску, однофамилиец Иона, не «отмазал» будущего Великого кондукаторула от тюрьмы.

С тех пор благодарный Антонеску, уверовав в таланты Михая, уже не расставался с ним. Михай стал его «милым другом», его правой рукой и полноправным членом его «семьи». Эта необычная, надо сказать, «семья» состояла из четырех человек и представляла собой некий такой «сексуально-политический и криминально-финансовый четырехугольник».

Главой «семьи» был, конечно, сам Антонеску – 59-летний маленький рыжеватый человек, в увешанном орденами генеральском мундире, самодур и диктатор, прозванный «Красной Собакой». А членами – жена его Мария, высокая женщина с тщательно скрываемым темным прошлым, прозванная «Первой сукой государства», и «милый друг» Михай – 34-летний доктор международного права, постоянно затянутый в модный светлый костюм и считавшийся почему-то большим красавцем.

Четвертым членом «семьи» была...

И тут нам следует перевести дух, поскольку то, что мы собираемся вам сказать, действительно очень странно: четвертым членом «семьи» была Веттурия Гога – вдова покойного премьер-министра Румынии Октавиана Гога – немолодая, но очень красивая и невероятно богатая дама. Об этой, во всех отношениях удивительной женщине мы вам еще расскажем – ей предстоит сыграть немаловажную роль в нашей истории.

А пока скажем только, что вся «семья» буквально молилась на Антонеску, да и он сам, на полном серьезе, мнил себя «великим». Он говорил о себе в третьем лице и считал, что все окружающие – товарищи по учебе, коллеги по службе, подчиненные – не воздают ему должное, подкапываются под него. У него всегда было много каких-то выдуманных врагов, и в их число входили не только отдельные личности и группы людей, но и целые народы – русские, украинцы, поляки...

Но самым главным врагом его были, конечно, евреи – «жиды».

Ненависть к жидам постоянно клокотала в его груди, и именно эта жгучая ненависть, видимо, впечатлила Гитлера в ноябре 1940-го, когда, принудив короля Румынии Карла II отречься от престола и ставши враз... черт знает кем!.. кон-дука-то-рулом... Антонеску прилетел в Берлин.

Свидетельствует личный переводчик Гитлера Пауль Шмидт:

«Генерал Антонеску... впервые встретился с Гитлером 22 ноября. Этот румын... в последующие годы стал одним из близких друзей Гитлера... К нему, единственному из ино-

странцев, Гитлер обращался за советом по военным вопросам... Антонеску до мозга костей оставался ярким противником большевиков и славян и не скрывал этого...»

Ярый противник большевиков и славян!

Только ли? Нет, не только. Еще и евреев.

В первую очередь евреев, то есть «жидов», конечно.

Знал Антонеску, знал, чем потрафить Гитлеру.

И тогда, уже во время первой их встречи, удачно разыграл «еврейскую карту».

Ответом ему была необычная для фюрера благосклонность.

Любовь с первого взгляда

Гитлер и Антонеску...

Тривиальная как будто бы история.

Но между Гитлером и Антонеску «все было иначе»!

Между ними, говоря современным языком, сразу возникла какая-то «химия». Оба они как-то сразу прониклись симпатией друг к другу и даже чем-то большим.

Как говорится – любовь с первого взгляда.

Как в каждой любовной истории, так и в их отношениях, конечно, бывали и взлеты, и падения. Но Ион Антонеску всегда восхищался фюрером. Гордился тем, что фюрер, втянувший его на самом деле в смертельную авантюру, считал его, Антонеску, своим «главным союзником».

Гитлер, со своей стороны, тоже оценил «маленького румына» – кондукаторула или как его там?

Вспыльчивый, злобный и действительно схожий чем-то с рыжим облезлым псом, «Красная Собака» показался ему достойным партнером в его крестовом походе против большевиков и евреев, и он сразу же посвятил его в свои планы.

Между тем принятое Гитлером решение о нападении на Россию в те горячие дни, предшествовавшие подписанию «Директивы № 21», тщательно скрывалось от всех, включая даже партнеров по «Трехстороннему пакту». Так, Бенито Муссолини уведомили об операции «Барбаросса» за 15 минут до ее начала, а японцев и вовсе не стали уведомлять.

А вот Антонеску уведомили, еще как уведомили!

Вторая встреча подельников и... не побоимся этого слова!.. друзей произошла 14 января 1941 года в Бергхофе, в заснеженных сказочно красивых Баварских Альпах. Приглашение в личную резиденцию Гитлера было большой честью для Антонеску – сюда приглашали обычно только «великих». В 1937-м здесь побывал бывший английский король Эдуард с супругой, в 1939-м – премьер-министр Великобритании сэр Невилл Чемберлен, а вот теперь пригласили его, вчера еще безвестного генерала Иона Антонеску.

Кортеж Антонеску мчится на полной скорости.

Ветер весело свистит в ушах.

Горная автострада стремительно уходит ввысь.

Подъем становится все круче и круче.

И этот головокружительный подъем кажется Антонеску неожиданным чудесным взлетом его собственной жизни, его собственной судьбы.

Гитлер ждал Антонеску с нетерпением.

В эти дни «Директива № 21» уже подписана, подготовка к нападению на Россию идет полным ходом, и Гитлер торопится раскрыть перед «Красной Собакой» ту особую роль, которую предстоит сыграть Румынии в операции «Барбаросса».

Один из самых важных пунктов подписанной им директивы напрямую касается Румынии: *«В войне против большевистской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии...»*

Конечно, конечно, фюрер «может рассчитывать».

Антонеску готов!

И вот наконец наступил долгожданный июнь 1941-го.

Из приграничной зоны Румынии уже вывезены все государственные учреждения, эвакуирована большая часть гражданского населения, да что говорить – окопы первой линии по личному приказу Антонеску уже заняты полевыми войсками, а точная дата нападения все еще, как назло, не названа!

И хотя сегодня уже доподлинно известно, что точную дату начала операции «Барбаросса» знал весь мир, Гитлер продолжал держать ее в секрете от своих союзников.

Антонеску, не отличавшийся терпением, буквально выходил из себя. Не проходило дня, чтобы он не морочил голову послу Германии, генералу Манфреду фон Киллингеру, требуя сообщить вожде ленную дату.

И вот 9 или 10 июня Киллингер сообщил...

И не просто сообщил, а, как профессиональный шпион, каким он, кстати, и являлся, на секунду разжал свой огромный кулак, в котором лежал обрывок бумажки с нацарапанной на ней цифрой.

Цифра была: «22».

Сомнений нет – операция «Барбаросса» назначена на 22 июня!

Осталось около двух недель!

Не медля ни минуты, Антонеску летит к Гитлеру в Мюнхен.

Фюрер встретил «Красную Собаку» в Коричневом доме.

Это была их третья и последняя предвоенная встреча.

Но что это была за встреча!

Антонеску чувствовал себя триумфатором.

Еще бы! Почетный караул. Знаменитый Коричневый дом. Бесконечные коридоры. Кабинет фюрера, украшенный атрибутами великой Германии...

И наконец, сам фюрер – улыбающийся, доброжелательный!

И беседа исключительно дружеская, откровенная. Без недомолвок, без намеков, без эвфемизмов. Все, как говорится, «открытым текстом»!

Антонеску услышал от фюрера, что эта долгожданная для них обоих война будет «особой войной, не похожей на все другие войны». Что кроме известной цели – «захвата жизненного пространства на Востоке», операция «Барбаросса» имеет еще одну, гораздо более важную и святую цель: «полную очистку захваченных территорий от жидов».

«Красная Собака» был поражен.

Нет – это потрясающе!

Полная очистка?! Неужели физическое уничтожение?!

Он не верил своим ушам.

Невероятно! Грандиозно!

И так созвучно его собственной жгучей ненависти к жидам!

Ну конечно, он должен, он просто обязан помочь фюреру выполнить эту великую историческую миссию.

Они выполнят ее вместе.

Гитлер и Антонеску.

Два великих человека!

Вернувшись из Мюнхена в Бухарест, Антонеску занялся созданием своего, особого, «румынского орудия уничтожения».

Румынское орудие уничтожения

Времени оставалось мало, и «Красная Собака» при всем желании не смог бы успеть до начала операции подготовить это, такое необходимое, «орудие уничтожения», если бы ему не помогли коллеги из германского посольства и, в частности, один из советников – «милый молодой человек» по имени Густав Рихтер.

Роль Рихтера в злодеяниях, совершенных румынскими варварами, не получила, к сожалению, должного «уважения» историков.

Гауптштурмфюрер Густав Рихтер принадлежал к малоизвестной когорте убийц, носивших странное название «гиммлеровские атташе». Эти так называемые «атташе» – в большинстве своем высокопоставленные нацисты – направлялись в столицы дружественных Германии государств под маской дипломатов.

Подчинялись они еврейскому реферату гестапо, то есть небезызвестному главе этого реферата оберштурмбаннфюреру Адольфу Эйхману.

До начала Второй мировой войны основной задачей «атташе» было оказание давления на правительства дружественных государств и понуждение их к антисемитской политике, а после начала – они же способствовали физическому уничтожению евреев, помогая местным властям использовать «германский опыт».

Рихтер прибыл в Бухарест 1 апреля 1941 года.

К тому времени 28-летний убийца успел семь лет прослужить в гестапо и слыл «специалистом в еврейском вопросе». И все же перед «командировкой» его непосредственный начальник Адольф Эйхман счел необходимым лично его проинструктировать.

К «милому молодому человеку» Густаву Рихтеру и к его «непосредственному начальнику» Адольфу Эйхману нам еще не раз придется вернуться, а пока несколько слов о созданном с их помощью «румынском орудии уничтожения».

Как и следовало ожидать, это «румынское орудие» мало чем отличалось от немецкого, то есть представляло собой просто уменьшенный аналог немецких оперативных групп – известных сегодня всему миру Эйнзатцгруппе «А», «В», «С» и «D».

И называлось оно почти так же – Оперативный эшелон SSI и убивало не с меньшей, а иногда и с большей жестокостью.

Оперативный эшелон SSI был создан на базе знаменитой румынской Сигуранцы, получившей после прихода к власти Антонеску новое, более «приличное» имя – Секретная служба информации-SSI – и нового эффективного менеджера – давнего агента гестапо генерала Эужена Кристеску.

Кристеску сам занимался созданием Эшелона – это было его любимое детище.

Детище, правда, к вящему сожалению создателя, не достигло размаха Эйнзатцгруппе. Эшелон включал всего 160 убийц и не мог самостоятельно осуществить «очистку» территории, которую «Красная Собака» мечтал захватить в процессе операции «Барбаросса».

А посему «румынское орудие уничтожения» включало дополнительно еще и Жандармский легион. В отличие от Эшелона, легион не был новой карательной структурой – в прошлом он уже прекрасно проявил себя на землях Бессарабии, но после ее потери в 1940-м был распущен. Теперь его восстановили и подчинили главе жандармерии, генералу Константину Василиу.

Ну вот, как видите, румыны готовились убивать, тщательно готовились. И так же, как германские солдаты, отправляясь «нах Остен!», знали, что они едут «бить жидов» и царапали эту гнусность на вагонах своих поездов, румынские убийцы знали, чего от них ждет их генерал – Ион Антонеску.

Генеральная репетиция

До начала операции «Барбаросса» оставалось еще четверо суток, когда 18 июня 1941-го Оперативный эшелон SSI выступил в свой первый кровавый поход в направлении города Яссы. Именно здесь, в Яссах, должна была быть проведена некая генеральная репетиция «очистки». «Красная Собака» должен был быть уверен, что созданное им оружие эффективно.

Одновременно с убийцами из Эшелона в Яссы прибыли и убийцы из Жандармского легиона и... какая неожиданность!.. убийцы из Эйнзатцгруппе «D». Сам группенфюрер СС Отто Олендорф, глава Эйнзатцгруппе «D», должен был наблюдать за работой румын и оказывать им помощь.

«Красная Собака» не случайно выбрал Яссы.

Ну, во-первых, Яссы – это как будто бы не настоящая Румыния, не родная Валахия, а только Молдова. Во-вторых, в этом исконно христианском городе более половины жителей – около 45 000 – иудеи.

А в-третьих...

А в-третьих, и это, наверное, самое главное – личное, стыдное...

С этим проклятым городом «Красную Собаку» связывала еще одна трагедия в бесконечной череде постигших его трагедий.

В студеную зиму 1907-го неподалеку от Ясс взбунтовалось несколько крестьянских сел, и он, в те дни молодой еще 25-летний лейтенант, применил артиллерию против вооруженных палками голодных людей.

Результат был чудовищным!

На «поле боя» осталось 11 000 растерзанных тел.

Это событие произвело такое сильное впечатление на Антонеску, что он серьезно заболел, был отчислен из армии и вынужден был пройти лечение в психбольнице.

И как это часто бывало у «Красной Собаки», гнев его обратился не на себя самого, учинившего бойню, а против города, виноватого, с его точки зрения, в этом несчастье.

Итак, все сложилось, сошлось, все связалось в один роковой клубок. И именно Яссы стали той сценой, на которой прошла «генеральная репетиция».

За одну только ночь, с 28 на 29 июня 1941-го, было убито 8000 евреев.

Страшной была эта ночь.

Выстрелы. Крики. Дикая оглушительная музыка.

И, охваченные амоком, убийцы...

Оргия. Настоящая оргия.

Страшной была эта ночь. Но еще более страшным было наступившее за ней утро. Трупы были повсюду – на тротуарах, на мостовых, у подножья памятников, у входов в древние церкви и синагоги...

Антонеску не был в то утро в Яссах, но он, конечно, находился поблизости – в личном своем поезде «Патрия», стоящем на железнодорожных путях. А в «гуще событий» был его эмиссар – генерал Кристеску, который, осуществляя общее руководство бойней, сообщал о ходе ее Антонеску, а также... и это самое удивительное!.. фиксировал все происходящее с помощью сопровождавших его фотографов и кинооператоров.

А главным организатором бойни был известный бандит и убийца капитан Михаэль Никулеску-Кока – очень важный для нас человек, с которым не раз нам придется еще встречаться.

К вечеру бойня утихла. Всех оставшихся в живых евреев, около 5000 человек, согнали на железнодорожную станцию, заперли в вагоны товарного поезда и отправили в соседний с Яссами городок – Тыргу-Фрумоз.

Не всем евреям суждено было доехать до назначения.

Большая часть должна была погибнуть в пути.
Так было задумано...

И даже имя такое было у этого поезда.

«*Trenul drik*» – «*Поезд смерти*» — назывался поезд.

«*Trenul drik*» — это, на наш взгляд, чисто румынское изобретение, так сказать, вклад румын в «Теорию массового уничтожения гражданского населения».

Достойный вклад – на Нобеля тянет!

Удивительно, но румынам все, абсолютно все, сходило с рук. Они действовали так, как будто совсем не боялись ни Божьего, ни Человеческого суда, и даже, как вы уже видели, бесстыдно фиксировали свои зверства.

После бойни, устроенной в Яссах, Кристеску преподнес «Красной Собаке» роскошный альбом фотографий, на которых были запечатлены истерзанные трупы евреев. Альбом этот мог бы служить уликой преступлений.

Но тогда, в 1941-м, все это выглядело как-то иначе.

Ну фотографии, фотографии трупов...

А что здесь такого особенного?

Они ведь не только не думали скрывать свои преступления, а даже наоборот, намеренно выставляли их напоказ, трубили о них.

Румынское Министерство пропаганды выпустило документальный фильм «*Крестовый поход против жидов*». В румынских газетах было много статей антисемитского толка с прямыми угрозами жидам и призывами к их убийству.

В своей ненависти и тупости румынские СМИ иногда доходили до полного абсурда. Так, одна из газет поместила статью, озаглавленную: «*Stalin – este Jidan*», что в переводе означало «*Сталин – жид*». И можно только представить себе, как смеялся Сталин, когда ему принесли перевод этой статьи.

Все иностранные дипломаты, находящиеся в Бухаресте, вне зависимости от своего отношения к убийству евреев, сообщали о нем своим правительствам. Французский консул Жак Труайе уже 4 июля 1941-го направил в Виши письмо, в котором с ужасом описывал акты вандализма. А посланник США Франклин Мот Гюнтер 19 августа 1941-го направил президенту Рузвельту доклад о зверствах, замечая при этом, что «*Антонеску, видимо, сошел с ума*».

А может, действительно?

Может, действительно «Красная Собака», как не раз уже с ним бывало, потерял ощущение реальности?

Так во всяком случае это выглядит. Такое во всяком случае впечатление производят его чудовищные приказы и не менее чудовищные речи.

«Звездный час»

Одну из таких примечательных речей «Красная Собака» произнес 8 июля 1941 года на заседании Совета министров. Эта проникнутая пафосом речь вошла в Историю под названием «Звездный час».

«*Это наш звездный час!* – вопил, брызгая слюной, Антонеску. – *Я не боюсь, что История назовет нас варварами. Римская империя совершила немало варварства, и все-таки считается величайшим государством...*

Не знаю когда, может быть, только через несколько сот лет румынскому народу будет предоставлена такая свобода действий, такая возможность этнической очистки и национального обновления...»

Этническая очистка?!

Убийство гражданского населения?!

Но ведь убийство гражданского населения противозаконно, преступно с точки зрения международного права. Все Гаагские конвенции запрещают такое убийство и требуют от воюющих сторон обращаться с людьми, не участвующими в военном конфликте, гуманно.

И тут выясняется одна пикантная подробность – оказывается, что для Антонеску «законы не писаны»!

Что ему конвенции, да хоть и международные, – он сам себе конвенция, он сам себе закон: «...с полным сознанием происходящего я беру на себя полную юридическую ответственность и говорю вам: существующие законы не для нас, существующие законы нас не обязывают!»

Ион Антонеску, точно так же, как Адольф Гитлер, в директиве «О военной подсудности в районе Барбаросса» от 13 мая 1941-го освобождает свою армию и свой народ от всех существующих законов и призывает их быть варварами, призывает их убивать.

И они убивают...

Убивают самым варварским способом.

Именно так они убивали в Яссах.

И именно так они продолжали убивать в Бессарабии и Северной Буковине.

3 июля 1941-го в местечке Чудей было уничтожено 450 евреев, в местечке Старожинец – около 200, в местечке Цидин – более 470, а число уничтоженных в местечках Новоселец, Ропчя, Иорданешты, Патреуч, Броскауч, наверное, никогда не удастся установить.

Евреи местечка Херца, считавшие себя «чистокровными румынами», так были рады приходу «освободителей», что, одевшись празднично, вышли встречать их. «Освободители» тоже, как видно, были рады евреям. Они тут же раздели их догола, избili и расстреляли.

5 июля в местечке Жучика-Нова было уничтожено 460 человек, в селах Хамница и Друшаница убиты все, а из 400 евреев местечка Костешты остался в живых только один еврейский мальчишка. Остался сиротой.

6 июля в Черновцах были убиты 2000 человек, в Единцах – 1000, в Ново-Сулице еще 975. А 7 июля настала очередь евреев Перлицы, Липкан, Фалешт, Меркулешт, Флорешт, Забричан. В Забричанах людей вначале избивали, затем подвешивали вниз головой на ветки деревьев и только потом расстреливали. Избитого до полусмерти 80-летнего Лейба Корманского бросили посреди улицы, где под смех и улюлюканье толпы конные жандармы превратили его тело в кровавое месиво.

Один из румынских офицеров, по его собственному признанию, восемь раз стрелял в годовалого ребенка и в конце концов закопал его в землю живым.

Говорят, что румыны не убивали?

Да нет же, нет, румыны убивали!

Сегодня мы уже знаем, что эти первые, так поразившие нас убийства всего лишь «генеральная репетиция».

И скоро, очень скоро начнется настоящее «представление».

Представление начинается

Антонеску мечтал об Одессе и наконец получил ее.

Весь мир трубил о его великой победе:

«Триумф! Одесса пала!»

Победа румынской армии! Победа маршала Антонеску!»

Сотни поздравительных телеграмм, и самая важная, самая волнующая – от фюрера: *«Взятие Одессы венчает историческую борьбу румынского народа за свое освобождение. Приветствую Вас, маршал Антонеску, с чувством товарищеской солидарности. Адольф Гитлер».*

Антонеску в эйфории.
Одесса в его руках!
Теперь это его город!
Он назовет его Антонеску – в свою честь.

«Город Антонеску»!
И вместе с городом это звучное имя будет жить вечно!

И как первый шаг к этой манящей «вечности», Антонеску издает декрет о назначении Одессы столицей новой своей земли – Транснистрии:

«Основываясь на Декрете № 1 от 19 августа 1941 года... учитывая, что этот декрет не включал Одессу, постановляю:

1. Одесса, вместе с окружающими ее районами, включается в состав Транснистрии.

2. Одесса становится столицей Транснистрии... и будет управляться в соответствии с моими личными инструкциями...

Дан сегодня, 17 октября 1941 года, в Генеральном штабе.

Маршал Антонеску».

Так Одесса сподобилась стать столицей Транснистрии.

А в столице, естественно, не должно было быть жидов.

На самом деле еще до захвата Одессы, 19 сентября 1941-го, «Красная Собака» отдал приказ, который подчеркивал важность этого города и требовал сразу же очистить его от жидов. В соответствии с этим приказом «очистка» Одессы была тщательно спланирована. С помощью детальной крупномасштабной карты город был разбит на секторы с указанием «приоритета очистки» каждого и, что самое удивительное, с полным списком проживающей в этом секторе еврейской интеллигенции.

Так что, как видите, все было заранее подготовлено и операция могла начаться немедленно. Для проведения операции предполагалось использовать армию, два полицейских батальона, жандармский полк и Оперативный эшелон SSI, часть агентов которого владела русским.

Руководство операцией было возложено на военного претора Одессы подполковника Михаэля Никулеску-Кока.

Никулеску-Кока?

Постойте, где-то мы уже слышали это имя...

Ах да, конечно, – Яссы!

Это он, капитан Никулеску-Кока организовал там кровавую бойню и, как видно, в знак признания заслуг получил звание подполковника.

Теперь подполковник Никулеску назначен военным претором Одессы.

Евреев Одессы ждет участь евреев Ясс.

16 октября 1941 г. 16 часов 30 минут

Стук румынских боканч по брусчатке мостовых.

Скрип военных каруц. Цокот копыт.

Румынские варвары входят в Одессу.

Все последние месяцы они только и делали, что убивали, сжигали и вешали.

Это была их работа и, если хотите, их единственное развлечение.

За этим, собственно, они и пришли к нам сюда: 10-я пехотная дивизия под командованием генерала Иона Глогоджану и все остальные – полицейские, жандармы, специальные агенты SSI, но что это?..

Вслед за румынами на крытых серым брезентом грузовиках немцы – Эйнзатцкомmando «ЕК-11b» из Эйнзатцгруппе «D». Вот те на!

Это значит, что кроме солдат румынской армии, кроме двух полицейских батальонов, 600 жандармов и 40 специальных агентов SSI в Одессе будет действовать сотня немецких убийц, тех самых, которые помогли румынам в Яссах?!

Не удивительно при таком «раскладе», что убийства евреев Одессы начались в ту же ночь – с 16 на 17 октября 1941-го.

После первых, спонтанных как будто бы зверств 18 октября в Одессу пришла специальная инструкция, призванная «упорядочить» зверства и делающая их еще более преступными, потому что там прямо упоминались... дети.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ ПО ЭВАКУАЦИИ ЕВРЕЕВ ОДЕССЫ В ГЕТТО

«Горун» — [Код 10-й румынской пехотной дивизии. – Авт.]

№ 14420, 18 октября 1941

Во исполнение приказа «Вранча» [Код 4-й румынской армии, в которую входит 10-я дивизия. – Авт.] создается временный лагерь-гетто для евреев города Одессы.

Помещением гетто... начиная с 16 часов 18 октября является Тюрьма Одессы на улице Фонтанская дорога...

Все евреи, независимо от пола и возраста, будут интернированы по участкам, семьями – дети, женщины, мужчины...»

Дети – на первом месте!

Дети должны быть интернированы.

Дети должны быть заключены в тюрьму...

И далее: *«Преториальной службе завести книгу учета всех интернированных в гетто евреев и ежедневно к 9 утра предоставлять командованию дивизии сводки о численности мужчин, женщин и детей...»*

И снова дети!

Дети – это мы, пятилетняя Ролли и десятилетний Янкале.

Инструкция по эвакуации в гетто касается нас напрямую.

Теперь террор приобрел вполне упорядоченный характер. Жандармы организованно обходят дома в каждом из секторов, обозначенных на карте. За каждый сектор отвечает специально назначенный офицер. Так, например, за сектор «5–8/ LN», расположенный между Фонтанской дорогой и морем, отвечает полковник Пауль Алексиу.

Задача жандармов выявить проживающих в этом секторе евреев, выдворить их из домов и загнать в тюрьму. Огромную помощь в этом оказывают им добровольные помощники – «добрые» соседи и знаменитые одесские дворники.

Ода одесским дворникам

О, одесские дворники! Владыки «Домовой книги»!

Как почтительно в царские времена сдергивали они с голов свои замасленные картузы и гнули спину перед хозяевами домов!

И как быстро поняли в 20-м, что теперь-то они, дворники, сами хозяева. Что пришло их время вместе с кухарками «управлять государством».

Вскормленные железной грудью НКВД, они в 37-м с нескрываемым удовольствием служили постоянными понятыми при обысках и арестах «врагов народа». И редкий выживший в

сталинском ГУЛАГе не пишет в своих мемуарах о леденящем кровь ночном стуке в дверь и роковом: *«Откройте! Это дворник!»*

Сегодня в городе новая власть. И дворники снова на посту.

Они все поняли, они готовы.

Надев поверх грязных ватников новые белые фартуки... Европа, все-таки, нужно соответствовать!.. они услужливо водят жандармов по этажам, указывая убийцам на ломаном русско-украинско-молдавском языке, с помощью жестов и мерзких подмигиваний, где схоронились жида.

В отличие от энкавэдэшных ночных арестов, эта новая их работа таит в себе еще и приятное дополнение. После выбрасывания жидов из квартир и грабежа, осуществленного жандармами... весьма поверхностного, из-за нехватки времени!.. квартиры остаются в распоряжении дворников.

И тут уж развернись плечо!

И мебели жидовские, и пианины, и вожеленные малированные кастрюли, и даже никому не нужные книги.

Книги, книги... Какая уйма книг!

И что с ними делать? Печки топить, что ли?

Ведомые дворниками жандармы врываются в еврейские квартиры и с обычным своим вопросом: *«Жидан? Жидан?»*, действуя штыками и прикладами, выбрасывают оттуда хозяев на улицу, собирают в колонны и гонят...

К 19 октября террор, кажется, уже достиг своего апогея – в этот день румынские варвары совершили в Одессе свое первое знаковое злодеяние. Если, конечно, не принимать в расчет просто убийство или просто заключение детей в тюрьму.

В этот день в старых пороховых складах по Люстдорфской дороге сожгли живыми свыше 25 тысяч евреев.

После освобождения нашего города, в июне 1944 года, это преступление расследовала специальная Областная комиссия по установлению злодеяний.

Такие местные комиссии во многих освобожденных от захватчиков республиках и областях были организованы для содействия ЧГК – Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, созданной по приказу Сталина еще в 1942-м.

В отчете Областной комиссии приводится свидетельство очевидицы этого преступления – некой гражданки Бобковой:

«19 октября 1941 года в помещении пороховых складов... расположенных по Люстдорфскому шоссе, возле моего дома... румыны начали сгонять арестованных мирных жителей – мужчин, женщин и детей...

Я лично видела, как качали горячее из бочек и поливали склады, в которых находились согнанные жители. Когда склады были облиты горячим, их подожгли.

Поднялся страшный крик... Женщины и дети, объятые пламенем, кричали: «Спасите нас, не убивайте, не сжигайте!»».

Гражданка Бобкова называет сожженных евреев *«мирными жителями»*. Так в советские времена было принято называть уничтоженных евреев.

Слово «еврей» не употреблялось нигде – ни в официальных документах, ни в показаниях очевидцев!

Но в случае с «гражданкой Бобковой» это особенно бросается в глаза.

Обратите внимание!

«Гражданка Бобкова», стоя так близко к горящим складам и слыша предсмертные крики гибнущих в них людей, ничуть не опасается за свою жизнь.

Странно, не правда ли?

Ведь и она, «гражданка Бобкова», точно так же, как те, горящие в пороховых складах, тоже *«мирная жительница Одессы»*?!
А трагедия, между тем, продолжалась...

Один из коренных одесситов, 65-летний рабочий суконной фабрики, Адриан Оржеховский, поляк по национальности, почти весь период осады и оккупации города вел дневник. И вот что он записал о происходящем:

ИЗ ДНЕВНИКА АДРИАНА ОРЖЕХОВСКОГО

«20 октября 1941 г. На некоторых ул. из домов выселяют всех евреев и куда-то уводят. В городе ужасная паника, особенно, конечно, среди евреев...»

«21 октября 1941 г. Когда шел домой, видел, как из одного дома выселили всех евреев и под конвоем куда-то увели. Было 7 ч. вечера...»

Под окрики жандармов и лай собак колонны евреев гонят по улицам.

Колонну, в которую попала Ролли с родителями, гнали по Петра Великого, по Садовой и через Новый базар, на Новосельскую. Там всех их загнали в здание школы № 124 и подожгли.

В ту ночь было много пожаров в городе – горел жилой дом на Островидова, 84, и еще один на Жуковской, 31, и еще один, и еще...

Идея была, как видно, та же, что и в пороховых складах: избавиться одновременно от максимального числа «жидов». Но операция особого успеха не имела – очень сложно, на самом деле, организовать сожжение тысяч людей в центре большого города.

Почти все запертые в школе на Новосельской евреи остались в живых. На рассвете их погнали через весь город по Дерибасовской и по Пушкинской к Куликовому полю и дальше, к Еврейскому кладбищу, в старую одесскую городскую тюрьму. В соответствии с полученной из Бухареста инструкцией, эта тюрьма должна была служить для евреев временным гетто.

Тюремный замок

Рассказывает старый одесский врач Израиль Адесман:

«Тот пункт, куда погнали меня и мою жену, помещался в темном и холодном здании школы. Нас там собрали свыше 500 человек. Сидеть было негде. Мы провели всю ночь стоя, тесно прижатые друг к другу.

Мы изнемогали от усталости, голода, жажды и неизвестности. Всю ночь слышался плач детей и стоны взрослых. Утром из нескольких групп был составлен эшелон в 3–4 тысячи человек. Всех погнали в тюрьму...»

Старая городская тюрьма...

Тюремный замок...

Сложенный из темно-красного кирпича в виде креста с круглой 40-метровой башней в центре, он отличается какой-то чудовищной красотой. В 1895-м на 5-м Международном конгрессе в Париже одесский Тюремный замок был признан самой красивой тюрьмой из всех подобных заведений Российской империи.

И не случайно – ведь даже арка главных тюремных ворот была построена по проекту великого Александра Бернардацци.

За долгую свою жизнь много чего повидал наш Тюремный замок – все, чем жил город, все, чем жила страна, отражалось, как в капле воды, в микрокосме одесской тюрьмы.

В царские времена здесь сидели закованные в кандалы разбойники и конокрады. В «золотуху» 20-х разбойников и конокрадов сменили «буржуи» и «нэпманы». В голодомор 30-х к ним присоединились людоеды.

А в 37-м, в дни Большого террора, настал черед «врагов народа».

Эти годы были особенно тороваты для Замка. Вместо положенных четырех в камеры помещали 15, а то и 20 «преступников». Спали по очереди. И с каждым днем количество заключенных увеличивалось.

Но наступил 41-й. Еще в начале войны часть «врагов» расстреляли, а остальных угнали на восток. Так что вошедшим в Одессу румынам досталась в наследство абсолютно пустая огромная тюрьма – идеальное место для заключения «жидов».

К вечеру 20 октября 1941-го заместителю командующего 10-й пехотной дивизией – генерал-майору Константину Трестиореану, отвечавшему за «очистку» города, доложили, что *«до сего времени было интернировано: 11 306 жидов, 3481 пленных и 11 террористов...»*

Тюремный замок был переполнен.

Во всех камерах, коридорах, во всех закоулках люди. На нарах, под нарами, на ступеньках лестниц, на голом цементном полу знаменитого «Круга», по которому растекается желтая зловонная жижа.

По вечерам жандармы, освещая людское месиво ручными электрическими фонариками, выискивают и уводят с собой плачущих девушек. Истерзанные их трупы потом еще долго валяются на грязно-серых каменных плитах тюремного двора.

А по утрам забирают мужчин.

«Лукру-лукру!» – орут жандармы. – *Работа-работа!»*.

Эта так называемая «работа» заключается в очистке одесского аэродрома от мин, установленных большевиками при отступлении.

Большинство мужчин подрываются на минах. А тех, которые остаются в живых, расстреливают или сбрасывают в шахты-каменоломни на Новоаркадийской дороге. Так что в тюрьму они больше не возвращаются, и на следующий день на «лукру» отправляется другая партия.

В это ужасное место 20 октября 1941 года из дома № 18 по Красному переулку пригнали 75-летнего еврея Гельмана, из дома № 30 по улице Петра Великого – молодую женщину Крупник с сыном, из дома № 49 по улице Торговой – семью Розен: отца, мать и троих детей, младшему из которых было два года.

Все они погибли.

Об этом свидетельствуют акты, составленные той самой специальной Областной комиссией по установлению злодеяний.

Сколько месяцев, дней, часов провели мы в архиве Иерусалимского мемориального комплекса «Яд-Ва-Шем», перелистывая листы этих актов...

Акты... Акты...

Каждый акт – имя...

«У каждого человека есть имя, которое дал ему Бог, и дали отец и мать...»

Каждый акт – имя расстрелянного, повешенного, сожженного.

«У каждого человека есть имя, которое дала ему его смерть...»

Как символичны именно в данном случае строчки израильской поэтессы Зельды.

Каждый акт – имя, которое дала человеку его смерть.

Додика Стародинского пригнали в Тюрьму 20 октября 1941-го, ему было 17: *«Многих, очень многих гнали по этой дороге... Первые группы людей расстреляли возле кладбища, не доходя до Тюрьмы, и нам приходилось переступать через трупы... Когда мы проходили мимо горы Чумки, я впервые увидел виселицу с четырьмя повешенными. Это были трое мужчин и одна женщина... Вторая виселица стояла напротив ворот Тюрьмы...»*

Лелика Дусмана пригнали в Тюрьму 21 октября, ему было всего 11: *«Колонну прогнали по улицам, и поздно вечером мы попали в тюрьму. Огромное количество людей... Удушающее зловонье...»*

Ролли тоже пригнали в Тюрьму 21 октября.

В этот день ей исполнилось 5 лет...

От Ролли: Кукла с чернильным носом

Одесса, 21 октября 1941 г. Тюремный замок 5 дней и ночей под страхом смерти

А мы все бежим и бежим...

С тех самых пор, как выскочили из этой школы, когда все вокруг нас горело и стало светло, как днем, и люди все закричали: «*Пожар! Пожар!*» — и стали толкаться и давить на дверь, и дверь затрещала и упала – вывалилась прямо на улицу.

И мы вместе с ней тоже вывалились и побежали...

И зачем только нас притолкали в эту дурацкую школу?

Сначала мы были дома. Ну, не у нас на Петра Великого, в доме дедушки Тырмоса, а почему-то в другой, чужой и пустой квартире на первом этаже.

И вдруг в двери этой пустой квартиры начали тарабанить и орать.

Сначала орал: «*Откройте! Это дворник!*»

А потом непонятно: «*Дексидэць! Мама востра!*»

Папа сразу схватил меня и тихо так закричал Тасе: «*Это румыны! Нужно открыть!*»

Но Тася открывать не захотела и закричала: «*Нет! Нет! Бежим! Быстрее!*»

И побежала. По комнате. Быстро так. К окошку. И стала дергать его и открывать, и открыла, и протиснулась через него на улицу, и закричала уже оттуда, с улицы: «*Тут низко! Давай ребенка!*»

Папа поднял меня и передал Тасе через окошко. И сам тоже вылез. И тут нас как раз и поймали, те самые чужие солдаты, которые тарабанили раньше в дверь.

Ух, как они сердились. И размахивали руками и винтовками.

И ругались по-ихнему. А потом успокоились немножко и погнали нас этими винтовками по улице. Сначала по нашей, по Петра Великого. А потом по Садовой. Мимо Цирка, куда я ходила с папой смотреть лошадок и клоунов.

Гнали нас, гнали и подталкивали и в конце концов притолкали на наш Новый базар, куда я ходила с бабушкой Идой за черешнями.

Бежим по базару...

А на земле, странно как-то, вещи всякие валяются – шапки какие-то, и сумки, и куклы, и еще что-то совсем уже непонятное. А на карусели, на большой круглой карусели с разноцветными лошадками и колясочками, на которой все дети катаются, когда приходят на базар с бабушками за черешнями, теперь почему-то люди висят. И тетки, и дядьки. Грязные. Растрепанные.

Ничего себе!

Я хотела поднять одну куколку, маленькую, и нагнулась уже и руку протянула, но папа закричал на меня: «*Не смей! Не трогай! Ничего не трогай! И не смотри! Никуда не смотри!*»

Я обиделась.

Ну и ладно. Не буду я ничего трогать. Подумаешь, очень нужно!

Но как это не смотреть? Закрывать глаза, что ли?

Тут папа схватил мою голову и больно прижал ее к своему боку, и мне взаправду пришлось закрыть глаза.

Но мы на самом деле уже прибежали. В эту школу дурацкую прибежали. Поднялись по лестничке и хотели войти в класс. Но никак не могли, потому что людей там целое море было. И все почему-то плачут и кричат.

Ну, мы немножко постояли у двери, возле шкафа с книгами. А потом папа остороженько взял этот шкаф и положил на пол. И мы все чудесно на нем устроились. Папа сказал, что теперь ночь, и что нужно спать, и что этот шкаф теперь будет наша кровать.

Но я совсем не хотела спать. Я хотела кушать, и вообще я хотела домой. И уже совсем-совсем собралась плакать, но папа открыл дверцу шкафа и вытащил оттуда большую книжку с картинками и стал читать мне сказку: *«Дама сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку и маленькую собачонку...»*.

Я эту сказку и сама давно знаю, у меня и книжка про нее дома есть, но все равно было интересно, особенно потому, что на картинке была нарисована маленькая собачка и тетка такая в шляпе.

А на другой картинке – большущая злая собака.

Ну, вы знаете – это когда маленькая уже выросла.

Я, наверное, слушала-слушала и заснула, потому что вдруг слышу кричат: *«Пожар! Пожар! Нас подожгли!»*

И мы уже не лежим на шкафу, а стоим у двери и вокруг нас светло, как днем.

Я на руках у папы. А вокруг нас люди. И дышат на нас, и толкаются. И мы все вместе давим на дверь.

И дверь затрещала и... вывалилась.

И мы вместе с ней тоже вывалились и побежали по улице.

Тася бежала впереди, а мы папой сзади.

И тут я вдруг вспомнила и закричала: *«Папа, папа! А где моя большая книжка с картинками? Дама сдавала в багаж – диван, чемодан, саквояж? Мы забыли ее там на шкафу! Давай вернемся! Я хочу вернуться за книжкой!»*

Но папа, сердитый такой, бежит и молчит, и даже говорить ничего не хочет.

А потом мы почему-то уже не бежим, а идем тихонько, и папа уже не несет меня на руках, а держит за руку и все вокруг нас темно, потому что ночь.

А потом стало как будто немножко светлее, но я уже очень устала и заплакала, и папа, как всегда, стал меня уговаривать: *«Ну, не хнычь, не хнычь. Видишь, уже светает. И мы уже на Пушкинской. Сейчас повернем на Троицкую, а там, за углом, дом дяди Тимы. Дядя Тима нас спрячет. Мы покушаем, отдохнем. Там нас никто не найдет»*.

Да я знаю, конечно, дядя Тима – большой папин друг, он нас спрячет. Стоит только вернуться за угол на Троицкую, и зайти в подъезд дяди Тиминого дома, и подняться по деревянной лестнице на стеклянную дяди Тимину веранду, и там нас уже никто не найдет.

Я сама много раз пряталась на этой веранде, когда мы играли в прятки с Вовкой, дяди Тиминим сыном. Когда еще не было войны, и Вовка еще не ушел на фронт.

«Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать,

Кто не спрятался, я не виновата».

Нет, на той стеклянной веранде нас уж точно никто не найдет.

Было уже совсем светло, когда мы повернули за угол, на Троицкую. И тут нас как раз и нашли. Нашли и поймали чужие солдаты, похожие на тех, которые гнали нас вчера через Новый базар, в школу, которую подожгли и которая теперь, наверное, совсем сгорела, вместе со всеми людьми, которых туда натыкали

Солдаты стали кричать: *«Жидан, жидан!»* — и толкать нас, и подгонять своими ружьями к другим людям, которые сидели посреди улицы, на камнях, как раз напротив дяди Тиминого дома, в который мы так и не успели забежать.

Мы немножко посидели вместе с ними, а потом пошли дальше. По мостовой. Сначала быстро-быстро. А потом медленно. А потом, снова сидим, прямо на камнях.

И все бабушки охают: *«Вей змир! Вей змир!»*

И все дети плачут.

И вокруг чужие солдаты и большие злые собаки, как та нарисованная, в книжке про даму, которую я забыла в школе, которую подожгли.

Солдаты почему-то все время сердятся и командуют на своем языке – то туда, то сюда, то туда, то сюда. Собаки тоже сердятся – и рычат, и лают, и плюются. Хорошо еще, что у них есть ошейники, а то бы они всех нас перекусили.

На Куликовом поле мы снова долго сидели прямо в пыли. Я уже очень хотела кушать, и Тася дала мне одну конфетку – ириску. Ириска была коричневая и скользкая – растаяла, наверное, в кармане у Таси, пока мы бежали из школы, которую подожгли.

Тася вынула ириску из кармана и сунула мне ее прямо в рот. Но ириска вдруг выскользнула, упала на пол и стала медленно-медленно тонуть в пыли.

Тася подумала, что я нарочно выплюнула эту ириску и очень на меня рассердилась. Мне тоже было жалко ириску, особенно потому, что у Таси больше ирисок не было, а эту она не разрешила мне выковыривать из пыли, и ириска пропала. Я заплакала.

И папа, как всегда, стал меня уговаривать: *«Сегодня тебе нельзя плакать. У тебя сегодня день рождения. Тебе исполнилось пять лет».*

В день рождения дети всегда получают подарки. В этот день рождения я тоже получила подарок – Куклу!

Тася сделала ее очень быстро – оторвала от своей нижней юбки кусочек тряпочки и скрутила из него самую настоящую куклу. У куклы, правда, не было ручек и ножек, но зато была голова и лицо. И папа нарисовал ей глаза, и рот, и нос. Послюнил маленький чернильный карандашик и нарисовал.

И получилась «Кукла с чернильным носом».

Чудесная была кукла!

Так мы шли и шли вместе с куклой, и со всеми бабушками, которые кричали *«Вей змир!»*, и со всеми детьми, которые плакали, пока не остановились перед огромными железными воротами.

За воротами был большущий красный дом.

Это была Тюрьма.

Тася, правда, давно уже знала, куда мы идем. Она еще по дороге говорила папе: *«Нас гонят в старую городскую тюрьму. Видишь, справа трамвайное депо».*

«Я тоже, я тоже вижу трам-вай-ное, – закричала я. – Вон там, там стоят поломанные трамвайчики!»

Но Тася на меня даже не посмотрела. И папа тоже со мной совсем разговаривать перестал – тащит и тащит за руку, а сам слушает Тасю, которая все удивляется и удивляется: *«Не знаю почему, но нас всех гонят в тюрьму. С ума они что ли сошли – гонят в тюрьму детей? Но это точно дорога на тюрьму. Вон там – Чумка. За ней будет Христианское кладбище, а напротив него, сразу за старым Еврейским – тюрьма. Я хорошо помню эту дорогу. Меня часто возили по ней на допросы, когда я сидела здесь в 1938-м...»*

Ворота Тюрьмы раскрылись, и мы все вместе потихонечку начали в них входить. И тут папа обнял меня, повернул мою голову и прижал ее к своему боку. Так же, как он это сделал вчера по дороге в школу, когда мы проходили через Новый базар, где люди висели на карусели, на которой я раньше всегда каталась, когда приходила с бабушкой за черешнями.

«Не смотри туда, не смотри», – зашептал папа.

А мне туда и смотреть было нечего, я и так уже все видела.

И ничего там такого интересного не было. Просто стенка. Грязная стенка. И стекает по ней что-то черное. И люди валяются. Целая куча. И солдаты. Что-то там делают. И кричат.

Но папа все прижимает мою голову к своему боку и наклоняет ее вниз, и я вижу плиточки, по которым мы идем. Красивые такие, серенькие. Хорошо бы на них попрыгать, в классики поиграть!

Но тут двор кончился, и мы вошли в Тюрьму. Огромная она такая, высоченная и круглая-круглая. И похожа она, прямо очень похожа на мой любимый Цирк на Садовой, где так

вкусно пахнет лошадами, наверху летают акробатики, а внизу, на «круге», который называется «манеж», кувыркаются клоуны.

Здесь тоже чем-то сильно пахнет и лестницы железные до самого потолка, как трапеции, только нет акробатиков, а на «круге», вместо клоунов, – люди и дети. Сидят и лежат на полу на всяких тряпках и без тряпок, и жижа какая-то течет.

Мы, наверное, по улицам все-таки медленно бежали, потому что в Тюрьму опоздали. И теперь нам даже сесть негде.

Но тут вдруг в углу под лестницей мы увидели бабушку Иду. Она сидела, как все, на полу, на своем расстеленном пальто, и мы сначала ее не узнали, потому что там было темно и потому что она вся была какая-то растрепанная, и даже лицо и руки у нее были грязные. А сама всегда раньше на меня орала: *«Руки, руки, немедленно мыть руки!»*

Но теперь мы все, конечно, обрадовались, залезли тоже под лестницу и очень удобно устроились на бабушкином пальто, и Тася даже дала мне один сухарик из ее мешочка. Бабушка тоже, конечно, обрадовалась и сразу стала плакать и верещать: оч-ч-ень не нравится ей в этой тюрьме, она в ней совершенно сидеть не может, потому что она в ней никогда не сидела и шпионкой тоже никогда не была, никакой шпионкой не была – ни японской, как Тася, ни греческой, как моя другая бабушка Лиза. И еще, и еще...

Тася стала ее успокаивать и сказала, что выведет ее из тюрьмы.

«Ты не сможешь», – плакала бабушка Ида.

«Смогу!» – «Не сможешь!» – «Вот увидишь – смогу».

И правда, она смогла. Только это получилось потом.

Уже наступил вечер, когда Тася взяла бабушку за руку и быстро пошла с ней к воротам. *«Я скоро вернусь»*, – сказала она папе.

Мы с папой долго смотрели им вслед из открытых дверей и видели, как Тася подошла к солдату, охранявшему ворота, что-то сказала ему и что-то такое дала ему.

А потом они с Идой – высокая прямая Тася впереди и маленькая сгорбленная Ида близко-близко за ее спиной – прошли через ворота и ушли совсем...

А мы с папой и с Куклой с чернильным носом остались в Тюрьме, в темном углу под лестницей, где лежало на полу бабушкино пальто. Без Таси нам было немножко страшно. И папа уговаривал меня не бояться, а я старалась уговорить Куклу.

Но Тася действительно вернулась – то ли ночью, то ли на следующее утро. Утром ей обязательно нужно было быть в Тюрьме, потому что по утрам всех мужчин, таких как мой папа, забирали на работу.

Солдаты стояли у самой двери и на «круг» не заходили. Боялись, наверное, испачкать свои боканчи в той желтой жиже, которая текла по полу.

Стояли у двери, тыкали пальцем во всех мужчин, которые попадались им на глаза, и кричали: *«Ты! Ты! Ты!» – «Ты! Ты! Ты!»*

И все, в кого они тыкали, должны были выходить во двор и строиться, как пионеры. На папу они не могли тыкнуть, потому что они его не видели. Мой папа все это время, пока они тыкали, лежал в углу под лестницей, накрытый всякими вещами, а мы с Тасей и с Куклой сидели у него на спине.

Когда солдаты уводили всех, на кого они тыкнули, папа вылезал из-под вещей, но из угла не высовывался.

Тася ему не разрешала, потому что те, которые уходили, обратно не возвращались.

«Они остаются на работе», – объясняла мне Тася. – *«Сиди тихо. Ты же не хочешь, чтобы твой папа остался на работе...»*

Я сидела тихо.

Действие второе: «Концерт на Маразлиевской»

*...куда ни кинешь глазом, кругом виселицы... наш город
представляет собой страшное зрелище: город повешенных...
Свидетельство очевидца*

Румыны в шоке

Одесса, 22 октября 1941 г. 17 часов 45 минут

Оглушительный взрыв потряс город.

Это взлетело на воздух здание НКВД на Маразлиевской, где в эти дни помещалась румынская Военная комендатура и штаб 10-й пехотной дивизии 4-й румынской армии.

Центр здания и правое крыло были полностью разрушены.

Под развалинами были погребены многие офицеры штаба и среди них военный комендант Одессы – командующий 10-й пехотной дивизией генерал Ион Глогоджану.

Румыны в шоке...

Стало как-то быстро темнеть, и сгущавшаяся темнота только усилила хаос и панику.

Около восьми часов вечера из развалин выбрался окровавленный заместитель командующего – генерал-майор Трестиореану. Оказавшись старшим по званию, он взял на себя обязанности военного коменданта и в первую очередь направил телеграмму командующему 4-й армией генералу Иосифу Якобичу⁵.

В этой исторической телеграмме он сообщал о взрыве комендатуры и тех карательных мерах, которые собирается применить к виновникам взрыва... жидам и коммунистам.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ТРЕСТИОРЕАНУ

22 октября 1941 г., 20 часов 40 минут

До настоящего времени генерал Глогоджану не найден. Видимо, находится под развалинами. Количество погибших и раненых невозможно определить...

Принял меры, чтобы повесить на площадях Одессы жидов и коммунистов.

Зам. командующего «ГУРУН», генерал Трестиореану

[Выделено нами. – Авт.]

«Меры», которые собирается применить Трестиореану, вызывают недоумение.

После взрыва прошло всего три часа.

Еще не развеялся дым, не осела пыль, не остыли камни.

Еще не замолкли крики заваленных обломками людей.

Военный комендант города не найден.

Число убитых и раненых неизвестно.

Сам Трестиореану чудом остался в живых.

Паника, хаос...

А генерал, едва приняв на себя обязанности военного коменданта, уже собирается повесить на площадях Одессы жидов и коммунистов?!

⁵ *Matatias Carp. Cartea Neagra, 1940–1944 / Societatea Nationala de editura. Bucuresti, 1947.*

Ну, «коммунистов» – это можно еще как-то понять – какие-то коммунисты, наверное, были оставлены в городе при отступлении.

Но почему евреи?

Почему, прежде всего, евреи?

Что знал и чего не знал генерал Трестиореану?

У генерала, конечно, было «особое» отношение к евреям – ведь именно он отвечал за «очистку» города и именно ему 20 октября был представлен доклад о числе загнанных в Тюремный замок женщин и детей.

Но вот что касается взрыва, то не мог он не знать, что евреи как раз к этому взрыву не причастны. И, более того, румынское командование изначально опасалось, что здание НКВД заминировано, и прежде, чем занять его, провело тщательную проверку. Так, за четыре дня до взрыва, 18 октября 1941-го, здание проверяли саперы 11-й германской армии, а на следующий день, 19 октября, саперы 4-й румынской армии. И только после всех этих проверок, 20 октября, штаб 10-й пехотной дивизии перебрался из Тюремного замка, где поначалу расположился, на Маразлиевскую.

Но и на этом дело не кончилось. За день до взрыва, 21 октября, в комендатуру явилась некая Людмила Петрова и сообщила, что здание заминировано и что в закладке мин принимал участие ее сын – электрик по профессии. Эта невероятная история стала известна со слов нового градоначальника Одессы – примаря Германа Пыньти⁶.

Герман Пыньтя, хитроватый бессарабец, юность свою провел в Одессе, учился здесь в царские времена в Новороссийском университете и, можно сказать, по-своему любил этот город.

Получив пост примаря, Пыньтя был несказанно горд. Он уже видел себя в когорте бессмертных, служивших Одессе и украсивших ее своими памятниками.

Дюк де Ришелье, граф Воронцов и... Герман Пыньтя.

Полный великих планов, 18 октября 1941 года Пыньтя прибыл в Одессу и сразу же обратился к жителям с призывом восстановить разрушенный войной город и возродить его былую славу: *«Твердо веря, что наш призыв будет услышан и правильно понят, мы вместе с вами приступаем к тяжелому восстановительному труду. С Богом вперед!»* [«Одесская газета» № 1, 26 октября 1941-го.]

Все так прекрасно складывалось, и тут – этот взрыв!

Пыньтя нервничает, боится ответственности и направляет в Бухарест личное письмо маршалу Антонеску, в котором пытается на всякий случай возложить вину за случившееся на погибшего военного коменданта Глогоджану.

ИЗ ПИСЬМА ПЫНЬТИ

«21 октября в 11 часов, когда нижеподписавшийся находился в кабинете г-на генерала Глогоджану, сюда вошла русская женщина, которая заявила, что органы НКВД, при уходе, заминировали здание, чтобы в нужный момент взорвать...»

Нижеподписавшийся служил переводчиком.

Господин генерал поблагодарил женщину и приказал полковнику Ионеску Ману принять меры по новой проверке здания.

На второй день, 22 октября, генерал сказал мне, что здание снова проверили и никакой опасности нет. Но я все же просил его поменять помещение...»

⁶ Ance! Jean. Transnistria. Bucuresti, ATLAS, 1998.

Пыньтя якобы просил Глогоджану «поменять помещение». Но тот не внял его совету – уж очень комфортно, видимо, было генералу в этом... Доме на Маразлиевской...

Дом на Маразлиевской

Просто – Дом на Маразлиевской.

Так называли это здание одесситы и много лет обходили десятой дорогой.

Дом на Маразлиевской пользовался дурной славой: тысячи нашли здесь свою смерть да и похоронены... зарыты!.. здесь же, во внутреннем дворе.

Дома как люди – у каждого своя судьба.

Дом на Маразлиевской родился в 1909-м и, как указывали справочники, считался одним из самых красивых и фешенебельных жилых домов Одессы. Хозяйкой его была некая баронесса Луиза фон Гойнинген-Гюне, а обитателями – семьи богатых одесских негоциантов и заводчиков. Их привлекала близость дома к Александровскому парку, пленял украшенный витиеватыми башенками фасад, соблазняли огромные восьмикомнатные квартиры. Дом гордился своим засаженным цветами внутренним двориком, конюшнями для собственных лошадей и... редкость по тем временам!.. гаражом для собственных – первых в Одессе – авто.

В те давние времена по утрам на зеленых газонах дворика нарядные дети в матросских костюмчиках играли в серсо, а по вечерам огромные фонари освещали парадный подъезд и лакированные ландо, ожидавшие расфуфыренных дам, чтобы везти их в Оперу.

Но грянул грозный 1920-й, и судьба Дома на Маразлиевской сделала крутой поворот: 7 февраля по обледенелой брусчатке мостовых процокала конница Гришки Котовского – в Одессу пришли красные.

И сразу исчезли, словно их и не было, нарядные дети в матросских костюмчиках, слиняли лакированные ландо и растаяли расфуфыренные дамы.

Баронесса фон Гойнинген-Гюн, к счастью для нее, вовремя отчалила в Болгарию, а в Дом на Маразлиевской пришли новые хозяева. Уютные гостиные превратились в комнаты для допросов, вольтеровские кресла сменились колченогими стульями, а инкрустированные слоновой костью ломберные столики – обшарпанными канцелярскими столами. Обои на стенах покрылись пятнами, а дорогие картины одесских художников – Костанди, Буковецкого, Нилуса – уступили место революционным плакатам, на которых мускулистые рабочие кололи штыками зеленых, похожих на жаб, буржуев.

Разбились огромные фонари, освещавшие по вечерам парадный подъезд, а вместо лакированных ландо у подъезда заняли пост чекисты в черных кожаных тужурках.

Новым хозяином Дома на Маразлиевской стала Губернская Чрезвычайная комиссия – ГУБЧЕКА, или, как называли ее в Одессе, Чрезвычайка.

И началось, и пошло и поехало...

Говорят, что одесская Чрезвычайка была самой зверской в стране. Каждый день на стенах домов и на круглых афишных тумбах появлялись приказы об обязательной регистрации бывших белых офицеров, бывших фабрикантов, бывших купцов, бывших домовладельцев. Каждый день по городу шли облавы, обыски, аресты. Каждый день особые отряды отбирали у жителей «излишки» – по новым большевистским законам каждый гражданин Страны Советов имел право на один костюм, одну пару ботинок и три пары кальсон.

И каждую ночь в Доме на Маразлиевской, в том самом гараже для собственных – первых в Одессе – авто, под шум мотора грузовика «выводили в расход» раздетых донага «бывших»: 23 июля – 29 человек, 30 июля – 50, 1 августа – 34...

И каждое утро на тех же афишных тумбах появлялись списки расстрелянных прошедшей ночью. И каждое утро возле афишных тумб дико вскрикивали и теряли сознание матери, обнаружив в расстрельном списке имя единственного сына.

За неполные восемь месяцев, с февраля и до конца сентября 1920-го, в Одессе было расстреляно 1418 человек.

Шли годы...

Тенистая Маразлиевская стала улицей имени Фридриха Энгельса, а парк имени русского императора Александра II – парком имени украинского поэта Тараса Шевченко.

Но слава Дома на Маразлиевской не оскудевала.

Время только меняло аббревиатуры: ОГЧК, ОГПУ, НКВД.

Да и хозяева время от времени сменялись: тех, кто вчера расстреливал в гараже раздетых донага «бывших», расстреливали сегодня как «врагов народа».

И так до самого последнего часа.

До 22 октября 1941-го, когда в Доме на Маразлиевской прогремел взрыв.

Кто «смастерил» ловушку?

Румыны да, конечно, и немцы с самого начала понимали, что взрыв Дома на Маразлиевской мог быть осуществлен только профессионалами. Так об этом и доложил в Берлин группенфюрер СС Отто Олендорф, расположившийся со своей Эйнзатцгруппе «D» в Николаеве⁷.

ИЗ ОПЕРАТИВНОГО РАПОРТА № 125

Берлин, Руководителю РСХА, 26 октября 1941 г.

Эйнзатцгруппе «D», Николаев

22 октября, в 18:10, взорвалось здание НКВД, в котором размещался командующий 10-й румынской дивизией и городская комендатура Одессы.

Несомненно, что минирование здания было подготовлено давно. Способ, которым было оно было осуществлено, свидетельствует о ловушке.

В качестве контрмер румыны готовятся убить всех евреев Одессы.

Около 10 тысяч уже убиты. [Выделено нами. – Авт.]

Олендорф прямо указывает на то, что мины были заложены заранее и это свидетельствует о тщательно подготовленной «ловушке».

Знали, что была «ловушка», и знали, что смастерили ее большевики. Но Москва не спешила «похвастаться» – ни во время войны, ни даже после ее окончания.

Прошли годы, многое изменилось в мире, о многом стало возможно рассказать, и вот что сообщил генерал-полковник Аркадий Хренов, занимавший в то время пост начальника инженерных войск Одесского оборонительного района.

В октябре 1941-го советские войска, готовясь по приказу Ставки Верховного Главнокомандования оставить Одессу, взрывали все стратегические объекты: портовые сооружения, узлы связи, аэродромы, электростанции, хлебозаводы...

Руководство этой операцией осуществлял генерал Хренов.

А еще, и это, наверное, самое главное, Хренов отвечал за подготовку диверсионных взрывов, которые следовало произвести после ухода из города и захвата его врагом. Одним из объектов, подлежащих такому взрыву, был Дом на Маразлиевской.

⁷ The Einsatzgruppen Reports / Holocaust Library. N. Y., 1989.

Взрыв должен был быть осуществлен с помощью «радиотелефугаса». Это новое по тем временам устройство состояло из двух частей: радиоприемника и радиопередатчика. Приемник устанавливался на месте планируемого взрыва, обкладывался взрывчаткой и подключался к детонатору, а передатчик, настроенный на ту же волну, располагался в отдалении. В нужный момент передатчик посылал сигнал, приемник включал детонатор, и... взрывчатка делала свое дело.

Для установки радиоприемника в Доме на Маразлиевской был выбран заброшенный подвал, в котором было свалено барахло баронессы фон Гойнинген-Гюне: диваны, кресла, ломберные столики и картины одесских художников. Все это за двадцать лет покрылось толстым слоем пыли и сетью паутины.

И именно здесь, в этом хаосе, саперы Хренова заложили около трех тонн тола. Кроме обычного детонатора, к приемнику подключили еще две стокилограммовые бомбы, накрыв их неизвлекаемыми минами, так что, в случае попытки разминирования, Дом на Маразлиевской и без сигнала взлетел бы на воздух. Особое внимание уделили восстановлению «заброшенности» подвала: убрали мусор и все, включая пыль и паутину, возвратили на прежнее место.

И наконец, последний штрих «мастера» – на первом этаже в приемной комендатуры, в самых видных местах установили несколько обычных мин, которые непременно должны были обнаружить... и обнаружили профессиональные немецкие саперы!..

Отлично сработано!

Но почему столько сил и времени было потрачено на подготовку взрыва Дома на Маразлиевской?

Румыны очень болезненно относились к своим неудачам под Одессой и, надеясь, что город все-таки... вот-вот... будет взят, неоднократно опережали события и объявляли по радио, что Одесса пала: «Odessa a cazut!»

В первых числах октября 1941-го они снова похвастались. На этот раз бухарестское радио разыграло настоящий спектакль: под бравурную музыку доблестные румынские войска парадным маршем проходили по улицам поверженной крепости и для полного правдоподобия диктор даже назвал имена этих улиц – Дерibasовская, Пушкинская, Екатерининская.

А через два дня после этой передачи в плен был захвачен румынский офицер, имевший при себе инструкцию с точно таким же планом вступления румынских войск в Одессу. И, кроме уже упомянутых названий улиц, в плане с немалой гордостью было указано, что штаб 10-й пехотной дивизии будет расквартирован в главном опорном пункте большевиков – здании НКВД.

Так что будущее местоположение румынского штаба не составляло тайны, что и послужило причиной подготовки взрыва Дома на Маразлиевской.

Но вся эта так тщательно проведенная работа не имела бы смысла, если бы в момент взрыва Дом на Маразлиевской был пуст. Взрыв должен был прогреметь в «нужное время», скажем, во время какого-нибудь важного совещания, и сведения о таком предполагаемом совещании нужно было получить заблаговременно – как минимум, за несколько часов до его начала.

Но как это возможно?

Как раздобыть такую информацию в городе, который только неделю назад был занят врагом, в городе, где правит бал террор, в городе, где каждый случайный прохожий а priori считается партизаном, а еще хуже – евреем?

Нет-нет, очевидно, такую информацию раздобыть невозможно.

И тем более невозможно успеть передать ее через линию фронта.

Невозможно?

А вот, оказывается, возможно!

Эту, казалось бы, невыполнимую задачу выполнили бойцы отдельной разведывательно-диверсионной группы Внешней разведки НКВД во главе с капитаном государственной безопасности Молодцовым.

Честь и слава

Ранним утром по Пушкинской, от вокзала к центру, шел не спеша высокий молодой человек. Простенький, темный не по сезону костюм и небольшой фибровый чемоданчик сразу выдавали в нем приезжего и, учитывая напряженную ситуацию в осажденном городе, вызвали подозрение.

Но пока все шло хорошо – ни боец истребительного батальона, проверивший его документы на выходе из вокзала, ни патрули на Пушкинской его не остановили. И он продолжал свой путь, прекрасно ориентируясь в этом, чужом ему, городе.

Звали этого молодого человека Владимир, а фамилия была Молодцов, хотя в том новеньком паспорте, который он предъявил на выходе из вокзала, стояло совсем другое имя и другая фамилия.

Паспорт был выдан на имя Павла Бадаева.

Но боец истребительного батальона, взглянув на открытое русское лицо приезжего и сравнив его с фотографией, совершенно спокойно вернул ему паспорт и даже вежливо козырнул, давая понять, что товарищ может продолжать свой путь.

Владимир Александрович Молодцов родился в маленьком рязанском городке Сасово, в семье железнодорожного мастера, и молодым он казался только на первый взгляд. На самом деле ему уже «стукнуло» тридцать, он был давно женат и имел троих детей. Он вообще очень много успел за свою жизнь. Был и разнорабочим, и подручным слесаря, и забойщиком в угольных шахтах, но потом по партийной путевке был направлен в Москву, в специальную школу НКВД, откуда уже прямой путь во Внешнюю разведку.

Прибыв 19 июля 1941 года в Одессу, Молодцов сразу же занялся организацией партизанских отрядов и к моменту прихода румын успел сформировать два таких отряда: разведывательно-диверсионный и боевой.

Разведывательно-диверсионный должен был действовать в городе под руководством проверенного и преданного коммуниста, бывшего чекиста, Антона Федоровича. А боевой – базировался под землей в знаменитых одесских катакомбах, и командиром его был назначен горный инженер Афанасий Клименко – тоже, естественно, проверенный и преданный коммунист.

И оба эти «проверенные и преданные» станут предателями – виновниками трагической гибели Молодцова и всех подпольщиков.

Нужно отдать должное Молодцову: он действовал в «Городе Антонеску» в очень трудных условиях до начала февраля 1942-го и много «неприятностей» доставил оккупантам.

Охотой за человеком по фамилии Бадаев занималось SSI.

Сам глава SSI, генерал Кристеску, правда, ошивался в Бухаресте, а у нас это милое учреждение возглавлял его деверь, подполковник Перджю.

Известный палач и убийца, Кристеску на удивление трепетно относился к своим многочисленным родственникам и всех их старался «трудоустроить». Так, родной брат его, лейтенант Георге Кристеску, был заместителем командира Оперативного эшелона, племянник, Георге Гуцэ – одним из агентов, а вот деверь Леон Перджю – главой одесского отделения SSI.

Беда была только в том, что домнуле Перджю, розовощекий ленивый толстяк, не в силах был справиться с такой сложной работой!

И Кристеску, желая «прикрыть» родственника, направил ему в помощь оперативную группу «ВУЛТУЛУЛ» во главе с майором Курерару.

А это был уже совершенно другой «компот» – майор Ион Курерару, он же Иван Кунин, родился в Бессарабии, прекрасно владел русским и был опытным контрразведчиком, много лет занимавшим пост начальника следственного отдела сигуранцы. Лихо взявшись за дело, Курерару достаточно быстро завербовал обоих «проверенных и преданных» – командиров наземного и подземного отрядов.

Чекист Федорович продался первым. Он выманил Молодцова из катакомб и сдал его вместе с наземным отрядом. А Клименко, после ареста Молодцова, выдал большую часть партизан, находившихся в катакомбах.

ИЗ ОПЕРАТИВНОГО ДОНЕСЕНИЯ SSI

Февраль 1942 г.

...Располагая широкой, умело созданной сетью, Бадаев мог передавать в Москву информацию, касающуюся самых различных сторон жизни города...

Ущерб, нанесенный нам организацией Бадаева, не поддается учету...

Начальник группы «ВУЛТУЛУЛ», майор Курерару

Подпольщиков судили в мае.

Май – самый светлый, самый радостный месяц в Одессе.

Весна. Едва распустившиеся светло-зеленые листочки еще не скрывают лучей ласкового солнца, и их веселые блики играют в свежеевымытых оконных стеклах. А потом, как будто бы неожиданно, вспыхивают розоватые свечи каштанов, а потом зацветает акация, и весь город наполняется сладким, обещающим счастье, ароматом.

Подпольщиков судили в мае.

Суд был коротким – не более получаса.

И приговор – смертная казнь...

Тяжело, наверное, уходить, «когда над землю бушует весна»...

В «Одесской газете», на третьей странице, в хронике под заголовком «Суд», было помещено краткое сообщение: *«При отступлении советских войск из Одессы частями НКВД была оставлена группа партизан-коммунистов со специальным заданием террористической подрывной деятельности и шпионской работы.*

Эта группа скрывалась в одесских катакомбах, но была обнаружена и предстала перед Румынским военным трибуналом – «Куртя-Марциалэ».

Трибунал приговорил виновных к расстрелу...»

И фамилии. Восемнадцать.

Первая – Бадаев.

Не Молодцов, а Бадаев. А это значит, что даже имени своего этот человек под пытками не назвал.

Его расстреляли 3 июля 1942 года на старом еврейском кладбище.

Там же и закопали.

А пока...

Донесения Молодцова поступают в Москву каждый день, как правило, в половине одиннадцатого вечера.

26 октября 1941-го Молодцов сообщает о взрыве на Маразлиевской: *«Здание управления НКВД взорвано в ночь на 23 октября. Взрыв произошел во время совещания румынских и германских офицеров...»*

На донесении резолюция Берия: *«Поздравить с успехом. Объявить благодарность».*

Молодцов, конечно, не зря получил благодарность – ведь подпольщики были одним из главных звеньев этой операции. Они не только сумели разведать день и час проведения совещания, но и передали эту информацию в Севастополь: *«Концерт на Маразлиевской 22-го, в 17:30».*

В соответствии с этой информацией 22 октября 1941-го, где-то в 17:45, на одной из военных баз Севастополя молоденький радист нажал на кнопку «пуск», и в эфир полетел короткий сигнал – тот самый, которого ждал приемник, спрятанный в захламленном подвале Дома на Маразлиевской.

Оглушительный взрыв потряс город.
От Дома на Маразлиевской остался только черный скелет.
Дом на Маразлиевской сдох.
И кончина его была такой же мерзкой, как и его жизнь.

Но вернемся к генералу Трестиореану и к тем «оригинальным мерам», которые он собирается применить к «виновникам» взрыва – жидам и коммунистам.

Ордонанс № 561

Телеграмма Трестиореану пришла в Бухарест в тот же день, 22 октября 1941 года, около 23 часов.

Теперь обо всем происшедшем следовало доложить Антонеску.

Немедленно доложить, несмотря на позднее время.

Но кто, скажите на милость, мог решиться на такой «подвиг»?

«Красная Собака» наверняка разгневется, а в гневе он страшен – докладчик вполне мог поплатиться жизнью. Антонеску на полном серьезе считал Румынию «наследницей великой Римской империи», где, как известно, гонцу, принесшему дурную весть, рубили голову.

В конце концов на доклад отправились двое.

Вдвоем, знаете, не так страшно...

В полночь два самых «крутых» генерала – покоритель Одессы генерал Якобич и главный палач генерал Кристеску, дрожа всем телом, вошли в клетку...

Нет-нет, конечно, не в клетку к тигру, а только в спальню «Красной Собаки».

Голов своих, к счастью, они не потеряли, но понервничать пришлось.

Антонеску был в ярости. Обложив своих генералов матом, он прорычал, что эта каналья Трестиореану прав – комендатуру взорвали жида.

И тут же продиктовал приказ – Ордонанс № 561:

«...повесить на площадях Одессы 18 тысяч жидов...»

Нет, подумайте только! Восемнадцать тысяч!

Не расстрелять, не сжечь, не утопить, наконец, вместе с какой-нибудь баржей, как делали большевики в революцию...

По-ве-сить!

Каждого в отдельности.

Каждому из восемнадцати тысяч накинуть на шею петлю.

Каждому из восемнадцати тысяч заглянуть в глаза.

Вздернуть.

Услышать треск ломающихся шейных позвонков.

И снова глянуть в эти теперь уже остекленевшие глаза.

И навсегда запомнить.

Запомнить этого живого еще минуту назад человека, ставшего мерзким трупом с вывороченным лиловым языком.

И так не десять, не сто и даже не тысячу – 18 тысяч зараз!

Где, когда за всю человеческую историю было совершено такое невероятное злодейство? Массовое повешение?

Как такое, вообще, возможно было совершить?

Великий инквизитор Томазо Торквемада, подвергший аутодафе 8800 грешников за 15 лет, с 1483 по 1498-й, кажется просто жалким дилетантом по сравнению с Антонеску.

Завтра утром Ордонанс № 561 прибывает в Одессу, и «эта каналья» Трестиореану с радостью и усердием приступит к его исполнению...

Евреев Одессы ждет страшная чудовищная судьба...

Но самое удивительное в том, что все это можно было предвидеть.

Что знал и чего не знал Сталин?

Скажем сразу: Сталин знал... «всё».

Сталинская разведка была одной из самых мощных разведок мира. Ее бесстрашные, лишенные комплексов шпионы проникали в самые невероятные места, внедрялись в самые высокие эшелоны власти не только вражеских, но и дружественных государств. По словам главы американской разведки ЦРУ Аллена Даллеса, о такой эффективной разведке можно было только мечтать⁸.

Внешняя разведка НКВД, к которой принадлежал капитан Молодцов, была лишь одной из нитей этой, окутывавшей весь земной шар, паутины. Кроме Внешней разведки, в распоряжении Сталина было еще и ГРУ – Главное разведывательное управление Красной армии, и Военная разведка, и Дипломатическая разведка, и суперсекретная Стратегическая разведка Лаврентия Берия – всего и не перечислишь!

Так что действительно Сталин знал «всё» – и это не пустые слова.

О патологической ненависти Гитлера к евреям, например, Сталин знал еще в 1927-м из книги «Майн Кампф» – Димитрий Мануильский привез это гитлеровское словоблудие в Москву. Книгу перевели на русский, издали в небольшом количестве экземпляров – «для служебного пользования», и Сталин, наверное, был одним из немногих, кто не только прочел ее, но и отметил любимым своим синим карандашом особенно впечатляющие места: *«Сама судьба указывает нам перстом... Конец еврейского господства в России будет также концом России, как государства...»*

Не секретом для Сталина были и вышедшие в Германии в 1936-м Нюрнбергские законы, и «Хрустальная ночь» в 1938-м, и надписи на вагонах немецких военных поездов в 1939-м: *«Мы едем в Польшу бить жидов!»*.

Не секретом было и то, как «били» они этих жидов – расстреливали в противотанковых рвах – 3 сентября 1939-го в местечке Бохния, 11 ноября 1940-го в Острув-Мазовецком.

Эти преступления нельзя было «не заметить» – они совершались открыто при свете дня в нескольких километрах от разделявшей тогдашних союзников демаркационной линии. Эти преступления нельзя было «не заметить» – о них ежедневно сообщали все сталинские разведки.

ИЗ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СВОДКИ № 141

О мероприятиях германских властей на территории Польши

6 ноября 1939 г.

«...20 сентября 1939 г. при отходе немецких войск из города Перемышль органами гестапо было арестовано 600 евреев, которых на следующий день на берегу реки Сан... заставили раздеться догола, вырыть себе могилы и танцевать под патефон, после чего – расстреляли...»⁹

⁸ Верховский Яков, Тырмос Валентина. Сталин. Тайный сценарий начала войны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

⁹ Россия – XX век. Междунар. фонд «Демократия», М.: 1996.

Эти преступления нельзя было «не заметить», Сталин сам упомянул о них в разговоре с Вильгельмом Мунтерсом – тогдашним министром иностранных дел Латвии: *«Немцы уничтожили <в Польше> очень много жидов...»*

Именно так и сказал. Именно это слово «жиды» употребил.

В своем кругу он, так же, как Антонеску, обычно именовал евреев «жидами».

Сталин знал обо всех преступлениях гитлеровцев.

Знал с самого начала.

Как знал буквально о каждом немецком солдате, прибывшем перед войной на советскую границу, о каждой огневой точке, включая размеры выкопанного для нее котлована.

Вот полюбуйтесь – образчик получаемой им информации:

***ИЗ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СВОДКИ
ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК НКВД УКРАИНЫ***

16 января 1941 г.

27 декабря 1940 в г. Перемышль прибыл немецкий пехотный полк неустановленной нумерации... 28 декабря 1940 туда же прибыло около двух рот пехоты. Прибывшие разместились на Набережной улице...

В м. Бабица производится строительство огневой точки. Для этой цели отрываются котлованы 5×6, которые бетонируются...

Начальник пограничных войск НКВД УССР, генерал-майор Хоменко

Так было перед войной.

Но грянула война, и паутина прорвалась, и нужно было начинать все заново – заново плести паутину в новых, гораздо более трудных условиях.

Для этих совершенно новых условий нужна была совершенно новая концепция.

Идея возникла в тот, самый трудный, наверное, 7-й день войны – 28 июня 1941-го.

В тот день Сталин получил сообщение, что пал Минск.

Это событие шокировало весь мир и подтвердило прогнозы злопыхателей, вопивших на каждом углу, что для разгрома большевистской России понадобится максимум три месяца. Это событие окрылило Гитлера и позволило ему уверовать, что скоро он будет в Москве. Это событие потрясло Сталина, особенно потому, что он неоднократно приказывал командующему Западным фронтом генералу армии Павлову ни при каких условиях не сдавать Минск: *«...за Минск драться с полным упорством и драться вплоть до окружения...»*

Минск пал, и Сталин взял «Time out».

Он должен был обдумать ситуацию.

Весь следующий день, 29 июня, он провел в своей кремлевской квартире, где вместе с Молотовым готовил какую-то директиву.

Это была очень важная, можно сказать, историческая, директива.

Сталин требует от народа мобилизоваться на разгром врага и сводит всю сложнейшую проблематику войны к шести коротким пунктам: фронт и тыл, отступление и контрнаступление, борьба против трусов и паникеров и... партизанское движение.

ИЗ ДИРЕКТИВЫ № П-509

29 июня 1941 г.

В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы. Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность секретарей обкомов и райкомов, создать из лучших людей надежные подпольные ячейки в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах...

Вот она – новая концепция: партизанские отряды и диверсионные группы!

Именно они, партизанские отряды и диверсионные группы, находясь в тылу врага, в каждом городе, в каждом рабочем поселке, будут теперь поставлять в Москву информацию, позволяющую Сталину, как и прежде, как до начала войны, знать «все».

Директива № П-509 по некоторым, видимо, очень серьезным причинам, была секретной. Настолько секретной, что оставалась под грифом «секретно» еще лет 50 после окончания войны. Но в соответствии с этой директивой уже 5 июля 1941-го вышел приказ о создании Особой группы НКВД, задачей которой стала организация разведывательно-диверсионных отрядов.

Руководителем Особой группы был назначен майор государственной безопасности Павел Судоплатов, который в 1939-м руководил операцией по убийству Троцкого.

ПРИКАЗ НКВД СССР № 882

О создании Особой группы

5 июля 1941-го.

1. Для выполнения специальных заданий создать Особую группу НКВД.

2. Особую группу подчинить народному комиссару НКВД

3. Начальником Особой группы назначить майора государственной безопасности тов.

Судоплатова П. А.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Л. Берия

В рамках Особой группы НКВД Судоплатов организовал три отдельные небольшие группы, задачей которых была разведка и осуществление диверсий в трех важнейших в стратегическом отношении городах: Одессе, Киеве и Николаеве.

Группы считались в каком-то роде «элитными», а посему командирами их были назначены лучшие люди внешней разведки НКВД.

В Одессу, как вы уже знаете, был направлен капитан Владимир Молодцов, занимавший до этого пост начальника румынского отделения Внешней разведки, в Киев – старший лейтенант Иван Кудря, а в Николаев – капитан Николай Лягин – инженер-судостроитель, отлично подходивший для работы в этом портовом городе.

Все трое выполняют назначенную им миссию. Все трое погибнут и будут посмертно награждены золотыми звездами Героев Советского Союза.

Информация, передаваемая Молодцовым, Кудрей и Лягиным из оккупированных городов, была, конечно, очень важна, но Сталин в те дни получал еще более важную информацию непосредственно «с места действия».

О преступлениях захватчиков вынуждены были рассказывать на допросах пленные немцы и румыны, о них с возмущением говорили перебежчики и со слезами на глазах, чудом вырвавшиеся из Ада евреи.

Всюду, где ступала нога немецкого солдата, всюду, где появлялся румынский солдат, начиналась оргия неслыханных по своей жестокости преступлений...

Именно эти слова о «неслыханных по своей жестокости преступлениях» выбрал для своей обвинительной речи в 1946-м на Нюрнбергском процессе помощник главного обвинителя от СССР Лев Смирнов.

ИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ

Л. И. СМИРНОВЫМ

Стенограмма заседания Международного военного трибунала

14, 15, 19 февраля 1946 года

Советское обвинение утверждает, и я представляю Суду доказательства этому, что на всем протяжении фронта, от Баренцева до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступала нога немецкого солдата... совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные жители...»

Уже в те, первые дни войны, 25–26 июня 1941-го, убийцы из Эйнзатцгруппе «А» под командованием бригаденфюрера Вальтера Шталлекера с неопределимой помощью местных подонков замучили в Каунасе более 1500 евреев. В эти дни древний Каунас стал похож на стойбище каннибалов – всюду, на улицах и площадях, валялись изуродованные трупы, а витринах магазинов красовались человеческие головы.

В пятницу, 27 июня, волна убийств достигла Вильнюса. А в ночь на субботу 28 июня каннибалы уже врываются в дома евреев Белостока. В эту ночь в Белостоке было уничтожено более 2000 евреев, часть из них сожгли живыми в синагоге, часть расстреляли в городском саду.

А потом, в воскресенье, был Минск и был Брест, и еще около 8000 уничтоженных. А потом, в понедельник, был Львов...

И то, что происходило во Львове, было, если это возможно, еще более чудовищно.

В тот понедельник по улицам Львова гнали евреев. Полуголые, окровавленные, мчались они, спасаясь от ударов прикладов, и падали под ноги близких, мчавшихся в той же толпе...

В тот понедельник улицы Львова стали похожи на улицы Каунаса, на улицы Вильнюса, Белостока, Бреста, на улицы всех захваченных городов. На балконе львовского Оперного театра повешены 12 человек, на Стрелковой площади расстреляно 15, а в «Пассаже» на общее обозрение выставлен труп женщины, к которой штыком приколот ее грудной ребенок.

Москва знала об этих «неслыханных по своей жестокости преступлениях», Сталин знал об этих «неслыханных по своей жестокости преступлениях» и наверняка знал, что, если румыны войдут в Одессу, всем оставшимся здесь евреям грозит смерть.

Но мог ли он знать, что взрыв Дома на Маразлиевской ускорит эту почти неизбежную смерть и сделает еще более мучительной?

Мог ли он знать, какая реакция будет на взрыв, какими будут его последствия?

Мог, несомненно, мог!

Сталин мог знать о возможных последствиях взрыва Дома на Маразлиевской, поскольку взрыв этот был не первой такой диверсией.

Первой такой диверсией был взрыв Крещатика в Киеве...

Бабий Яр

Когда 19 сентября 1941-го гитлеровцы вошли в Киев, город, подсвеченный осенним солнцем и почти не пострадавший от бомбежки, поразил их своей красотой, и они сразу же стали располагаться в сердце его, на Крещатике.

О том, что произошло там дальше, рассказал очевидец этих событий – пятнадцатилетний мальчишка Толька – писатель Анатолий Кузнецов¹⁰:

«Комендантура облюбовала себе дом на углу улицы Прорезной, где на первом этаже был магазин «Детский мир», немецкий штаб занял огромную гостиницу «Континенталь», Дом врача превратился в Дом немецких офицеров...»

¹⁰ Кузнецов Анатолий. Бабий Яр. М.: Захаров, 2001.

Все это происходило так весело, чуть ли не празднично, и солнышко светило, подогревая хорошее настроение...

И тут раздался первый взрыв. Это было 24 сентября в четвертом часу дня...

Взрыв был такой силы, что вылетели стекла не только на самом Крещатике, но и на параллельных ему улицах.

Толпы побежали – кто прочь от взрыва, кто, наоборот, к месту взрыва, смотреть. В этот момент в развалинах комендатуры грянул второй, такой же силы, взрыв... Третий взрыв поднял на воздух кинотеатр, заполненный офицерами и солдатами. Поднялась невероятная паника...

Раскаленные развалины... дымились долго, даже в декабре я своими глазами видел упрямо выбивающиеся из-под кирпича струи дыма...».

Сегодня уже можно с уверенностью сказать: взрыв Крещатика организовал старший лейтенант госбезопасности Кудря.

Иван Кудря объявился в Киеве, так же, как Молодцов в Одессе, в середине июля. Впрочем, это был уже не Кудря, а совершенно другой человек: сын расстрелянного священника, скромный учитель украинского языка по имени Иван Кондратюк.

Кондратюк поселился на Институтской улице в доме № 16 в квартире своей «невесты», некоей Марии Груздевой.

Точно так же, как Молодцов в Одессе, Кудря тщательно готовился к работе в тылу врага, но несколько в другой плоскости, что диктовалось, естественно, предполагаемой немецкой оккупацией города и отсутствием в нем катакомб.

Но взрыв Крещатика, так же, как взрыв Дома на Маразлиевской, был осуществлен с помощью радиоуправляемых устройств, только сигналы подавались с более близкого расстояния – из квартиры «невесты».

И так же, как после взрыва на Маразлиевской, Москва не призналась во взрыве Крещатика. Хотя весь мир, конечно, догадывался, кто стоит за этой диверсией.

Но вот зачем это было сделано?..

Да, зачем это все-таки было сделано, зачем совершались такие диверсии? – спрашивает себя и нас Анатолий Кузнецов.

И сам же отвечает: *«Госбезопасность СССР провоцировала немцев на беспощадность. И немцы на это клюнули.*

Свой ответ на Крещатик они обнародовали спустя пять дней, а именно – 29 сентября 1941 года...» [Выделено нами. – Авт.]

Ответ был жестоким.

До сдачи Одессы оставался еще целый месяц, когда 27 сентября на улицах Киева появился приказ:

«Все жиды города Киева... должны выйти в понедельник, 29 сентября 1941 года в 8 часов утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбища). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и проч.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения... будет расстрелян...»

[ЦГА Окт. Революции. М., ф. 7021, оп. 65, ед. хранения 5]

Этот день, понедельник 29 сентября 1941 года, по какой-то мистической случайности выпал на Йом Кипур и стал для евреев настоящим «Судным днем».

Со всех концов города потянулись они к еврейскому кладбищу.

Толпы людей. С мешками, кошелками, свертками.

Калеки на костылях.

Парализованные на носилках.

Младенцы в колясочках...

Три дня и три ночи продолжалось это шествие смерти.

И все это время на тротуарах стояли жители города и с любопытством и ужасом глазели на обреченных. И нужно прямо сказать, никто из них не обманывался в истинном смысле происходящего.

Знали это наверняка и многие евреи.

Ну, может быть, не в первый день.

Но во второй... В третий...

А если знали, почему тогда шли?

Почему не убежали? Не спрятались?

Не попросили помощи у тех, стоящих на тротуарах?

А вот потому и шли, что бежать было некуда, что спрятаться было негде да и помощи не от кого было ждать...

В этот последний час никто не протянул им руку помощи.

Никому!

Даже тем, самым маленьким, которых везли в колясочках.

Даже тем, что постарше, которых вели за ручку, тем, которые не забыли, идя на смерть, взять с собою любимых плюшевых мишек.

Нет, они, конечно, не понимали, что идут на смерть, да и само слово «смерть» никак не вязалось с их веселыми розовощекими мордашками.

«Мое дитя! Мои румяна! Моя несметная родня! Я слышу, как из каждой ямы вы окликаете меня», – напишет когда-нибудь об этих детях Илья Эренбург.

Бежать было некуда и помощи не от кого было ждать.

Но почему?

Наверное, самый честный ответ на этот вопрос дает Анатолий Кузнецов, обнажая отношение своего родного деда, Федора Семерика, к трагедии киевских евреев: *«Поздравляю вас! Завтра в Киеве ни одного жида больше не будет... Слава тебе, Господи! Хватит, разжирели на нашей крови, заразы...»*.

Не все киевляне, конечно, думали так, как Федор Семерик, но в основном...

«Сегодня по Львовской идут. Мглисто.

Долго идут. Густо, один к одному.

По мостовой. По красным кленовым листьям.

По сердцу моему...

За улицей Мельника – кочки, заборы и пустошь,

И рыжая стенка еврейского кладбища.

Стой! Здесь плиты поставлены смертью...

Пусто... И выход к Бабьему Яру,

Как смерть, простой...».

Лев Озеров (Октябрь. № 3–4. 1946.)

За трое суток в урочище Бабий Яр было уничтожено 33 тысячи евреев.

Еще несколько слов о разведке...

Нет и не может быть никаких сомнений: взрыв Крещатика спровоцировал злодейство Бабьего Яра.

Правда, нацисты, наверное, и без этого взрыва стали бы убивать, как убивали во всех захваченных городах, местечках, селах и самых маленьких хуторках, но взрыв послужил им удобным поводом, даже каким-то «оправданием» Бабьего Яра.

**И все это было до... до взрыва Дома на Маразлиевской.
За месяц до взрыва!**

Ну, вот и ответ на заданный нами вопрос: знал ли Сталин?

Знал, конечно, знал, что взрыв Дома на Маразлиевской может спровоцировать нечто типа Бабьего Яра.

В одной из рассекреченных справок НКГБ прямо указывается, что старший лейтенант Кудря постоянно отправлял в Москву доклады о том, что происходит на Украине.

ИЗ СПРАВКИ НКГБ

В первой половине октября 1941 года из Киева на Большую землю уходили два чекиста, выполнивших свое задание, и «Максим» [Оперативная кличка Кудри. – Авт.] через них передал в Центр сообщение о своей работе...

Один из известных нам докладов Кудри был посвящен, например, строительству ставки Гитлера «Вервольф» под Винницей, другой содержал поименный список 87 немецких агентов, заброшенных в Советский Союз¹¹.

В этих докладах мы, к сожалению, не обнаружили информации о Бабьем Яре, хотя очень трудно предположить, что Кудря умолчал.

А кроме этого, он был не единственным советским шпионом в Киеве.

Приходилось ли вам когда-нибудь слышать о Герхарде Кегеле¹²?

Герхард Кегель – высокопоставленный германский дипломат, в начале октября 1941-го оказался свидетелем ужаса Бабьего Яра и... сообщил об этом в Москву...

Кто он, этот человек? Как попал он в оккупированный Киев?

О, Герхард Кегель – это легенда, и вам наверняка будет интересно с ним познакомиться, но сначала придется вернуться на несколько лет назад – в предвоенную Польшу.

Итак, 1935 год. Варшава.

Гостеприимный дом германского посла графа Гельмута фон Мольтке, где по вечерам на ужины и танцульки собирается... целая шайка шпионов Главного разведывательного управления Красной армии.

Шпионы ГРУ ужинают и танцуют в доме германского посла?!

Ну, да, ну, да...

И что тут удивительного?

Тем более что и сам посол ярый противник Гитлера.

Шайка, о которой идет речь, в основном состояла из молодых германских журналистов и дипломатов – восторженных идеалистов, свято веривших в коммунизм – светлое будущее всего человечества. И, по правде сказать, вся эта шпионская деятельность, не очень опасная по тем временам, казалась им такой волнующей душу игрой, как и модные в их среде адюльтеры.

Главой всей шайки была корреспондентка газеты «Берлинер Тагеблатт» Ильзе Штебе, по кличке Альта, а одним из самых эффективных шпионов – сотрудник германского посольства Герхард Кегель, по кличке ХВЦ.

Денежного вознаграждения никто из этой компании не получал, кроме барона Рудольфа фон Шелиа, по кличке Ариец, которому иногда «перепало» что-то, но ему просто очень нужны были деньги для уплаты картонных долгов, игры на скачках и содержания молоденьких актрис. Эти деньги в конце концов и сгубили барона: расписка в получении 65 тысяч марок попала в руки гестапо.

Но все это будет потом, в Берлине, в 1942-м...

¹¹ Органы Государственной безопасности СССР: Сб. док. в 6 т. М.: Русь, 2000.

¹² *Кегель Герхард*, В бурях нашего века. М.: Изд-во. полит. лит., 1987.

А пока они все еще в Варшаве, ужинают и танцуют в доме германского посла.
Ужинают и танцуют, и играют в свои шпионские игры.
Но тучи уже сгущаются.

Перед нападением Германии на Польшу германское посольство в Варшаве было расформировано, дипломаты вернулись в Берлин, и тут, как-то сразу, вся эта шпионская игра стала игрой со смертью.

Поняли это доморощенные шпионы или нет, но, во всяком случае все они продолжали сотрудничать с ГРУ, поддерживая через Ильзе Штебе постоянную связь с Москвой. Всех их когда-нибудь назовут Берлинской ветвью «Красной капеллы».

В 1940-м Герхард Кегель, сотрудник Имперского министерства иностранных дел и, по совместительству, советский шпион, неожиданно получает назначение в Москву. Так германское посольство в Москве, которое по логике вещей должно было бы быть «германским шпионским центром», оказывается идеальным источником информации для советской разведки.

Это он, Герхард Кегель, поздним вечером 21 июня 1941 года, когда до нападения Германии оставались считанные часы, вышел на встречу со своим куратором, «товарищем Петровым», и сказал ему одну короткую фразу...

По-русски сказал: *«Нападение завтра, в 3–4 утра».*

Герхард Кегель был, конечно, неординарным человеком.

По-детски ясные голубые его глаза и застенчивая улыбка скрывали острый аналитический ум и высочайший профессионализм. И именно этот неординарный человек и профессиональный разведчик оказался «глазами ГРУ» в Киеве.

Тогда, после нападения Германии на Советский Союз, Герхард Кегель вместе со всеми сотрудниками германского посольства вернулся в Берлин и, как ни в чем не бывало, продолжал служить в Имперском министерстве иностранных дел и, что совсем уже невероятно, продолжал через Ильзе Штебе поддерживать связь с Москвой.

В конце сентября 1941-го Кегель по заданию ГРУ отправляется в Киев. Официальная цель этой «командировки» – выявить среди украинской интеллигенции лиц, готовых рассказать по радио о своей «полной ужаса» жизни под властью большевиков.

А неофициальная?

Увидеть!

Увидеть, что происходит в оккупированной столице Украины.

Он прибыл в Киев 3 октября 1941 года.

Человек, с которым он должен был встретиться, – давнишний его приятель, майор Кох, был в отъезде. Кегель прождал его три дня и использовал это время для поездок по городу и окрестностям.

Многое видел.

А остальное поведал ему по возвращении Кох: *«Вы слышали, Кегель, как здесь, в Киеве, был решен еврейский вопрос? Это произошло через несколько дней после того, как взлетел на воздух отель на главной улице...»*

И... леденящий душу рассказ о Бабьем Яре.

Думается, что этот рассказ не был для Кегеля неожиданным.

Думается, что он уже видел «все» своими глазами. Тем более что в его распоряжении была легковушка и одет он был в шикарную серую форму Имперского министерства иностранных дел, при виде которой встречные немецкие офицеры брали под козырек.

А в Бабьем Яру в те дни еще шел расстрел...

Так что Кегель «видел», а после встречи с Кохом и «слышал».

Его миссия в Киеве была выполнена. Правда, только та ее часть, которая касалась задания Москвы. Что касается задания Берлина, то оно его мало интересовало.

Пришло время возвращаться.

Пишет Кегель: *«Возвратившись в Берлин, я, прежде всего, условился с Ильзой о встрече. Была середина октября 1941 года...»*

Доклад Кегеля был передан в Москву в середине октября 1941-го.

До взрыва Дома на Маразлиевской оставалась еще неделя...

А теперь давайте подумаем!

Герхард Кегель, точно так же, как и Иван Кудря, докладывал в Москву о последствиях взрыва Крещатика, но о чем это говорит?

Да ни о чем!

Где гарантия, что оба эти доклада – наверняка короткие, тщательно зашифрованные и переданные через третьи руки, – попали по нужному адресу и были там правильно поняты?

Гарантия есть!

Гарантией служит нота народного комиссара иностранных дел Молотова.

Нота Молотова

6 января 1942 года Молотов в своей несколько необычной ноте, обращенной к послам и посланникам всех стран, с которыми Советский Союз имел дипломатические отношения, упомянул и о Бабьем Яре¹³.

Нота Молотова занимает 12,5 страницы.

Трагедии Бабьего Яра в ней отведено ровно 12,5 строки:

«Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице – Киеве. Вырвавшиеся из Киева советские граждане описывают потрясающую картину одной из таких массовых казней.

На еврейском кладбище гор. Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов... Перед расстрелом всех раздели догола... заставили лечь на дно рва, вниз лицом, расстреляли из автоматов и слегка присыпали землей...»

Обратите внимание, какую точную картину воспроизводит Молотов!

Да-да, все именно так и было!

Вниз лицом... и из автоматов...

И слегка присыпали землей...

Слегка присыпали... Слегка...

Нет, это не впечатления «советских граждан, вырвавшихся из Киева».

Это рапорт.

Рапорт профессионального шпиона.

Короткий, точный и даже... в такой ужасной ситуации!.. лишенный эмоций.

Так что Сталин наверняка знал о последствиях взрыва на Крещатике, а следовательно, и о возможных последствиях взрыва комендатуры в Одессе, как знал с первого дня войны обо всем, что происходит на оккупированных территориях.

Возможно, что он не мог предотвратить взрыв, но, видимо, и не пытался.

Никто не остановил руку, готовую нажать на кнопку «пуск».

Дом на Маразлиевской взлетел на воздух...

А теперь мы должны проглотить комок в горле, сжать зубы и вернуться в «Город Антонеску», чтобы увидеть своими глазами, как «эта каналья» Трестиореану исполняет Ордонанс № 561.

¹³ Документы обвиняют. М.: Изд-во полит. лит., 1943.

Заставь дурака Богу молиться...

Ордонанс № 561(302/826), содержащий точное число подлежащих уничтожению евреев и способ их уничтожения, нельзя было доверить обычным средствам связи, а посему его привез в Одессу «особо доверенный человек» – полковник Ион Стэнкулеску.

Полковник Стэнкулеску – заместитель начальника штаба 4-й румынской армии генерала Тэтэряну – прибыл в город в 3 часа ночи и передал приказ в собственные руки «каналье» Трестиореану.

Тот ознакомился с ним и, как было предписано, тут же его уничтожил.

Но как же мы с вами узнали о его существовании?

А просто!

Туповатый полковник Стэнкулеску в служебном рвении уже в 7:45 утра направил начальнику своему телеграмму, в которой, между прочим... пересказал содержание Ордонанса № 561. Того самого ордонанса, который он, Стэнкулеску, «особо доверенный человек», в целях сохранения секретности, должен был самолично доставить в Одессу и передать в собственные руки Трестиореану.

«Каналья» улику уничтожил.

А Стэнкулеску «позаботился» о ее сохранении.

Вот уж истинно: заставь дурака Богу молиться...

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ПОЛКОВНИКА СТЭНКУЛЕСКУ

«23 октября 1941 г., 7:45 утра

Ровно в 3 часа ночи я явился в военный штаб города и передал генералу Трестиореану Ордонанс № 561. Генерал собрал командиров полков и проинструктировал касательно карательных акций.

Среди них уничтожение 18 тысяч жидов в гетто и по крайней мере по 100 жидов путем повешенья на площадях в каждом районе...»

Далее в телеграмме шла речь о ходе работ по извлечению из-под развалин Дома на Марзалиевской убитых и раненых и сообщение о прибытии в Одессу высокого начальства – командующего 2-го армейского корпуса 4-й румынской армии генерал-майора Николае Мачича.

Генерал Мачич – еще одно действующее лицо в трагедии Одессы.

Этот 55-летний румынский аристократ с моноклем в глазу, получив сообщение о взрыве, тут же выехал из Тирасполя в Одессу.

Проведя остаток ночи в пути, генерал прибыл в город в 6:10 утра и сразу навел порядок: собрал на экстренное совещание всех оставшихся в живых офицеров 10-й дивизии и назначил генерала Николае Генерару новым военным комендантом.

«Каналью» Трестиориану, взявшему на себя эту обязанность, нужно было от нее освободить, поскольку его ждала более высокая миссия – невиданная доселе акция массового повешения жидов.

Непосредственным исполнителем этой акции, как и следовало ожидать, стал наш добрый знакомый – «герой» города Яссы, военный претор Одессы, подполковник Михаэль Никулеску-Кока. В помощь ему были выделены два батальона 10-й дивизии: пехотный, под командованием капитана Бельчану, и пулеметный, под командованием подполковника Деляну.

Задача была нелегкой: нужно было поймать и повесить 18 тысяч жидов!

«Город Антонеску» – город повешенных

Жители «Города Антонеску» еще спали, когда под их окнами застучали топоры – убийцы начали строить виселицы.

В скверах, на площадях, на перекрестках улиц.

Десятки, сотни виселиц. На привокзальной площади, на Куликовом поле, на Привозе, на Французском бульваре, на Александровском проспекте.

Работа шла споро, и через час-другой уже можно было вешать.

И они начали...

Ловили и вешали... Ловили и вешали...

Всех подряд...

Вешали... Вешали... Вешали...

И вскоре уже не стало свободных виселиц!

Тогда стали вешать на ветках акаций, выписанных Дюком де Ришелье из Европы, на старинных газовых фонарях, зажигавшихся в давние времена лихими фонарщиками, на витых чугунных решетках балконов, спорящих по красоте с балконами Барселоны. Пришлось даже вешать на ярко раскрашенных детских каруселях, и трупы повешенных выглядели особенно зловеще в окружении веселых лошадок и слоников.

Одним из повешенных был профессор Григорий Фудим.

Свидетельствует Александр Сапин: *«То, что я увидел там, до сих пор остается в моей памяти страшным кошмаром: повсюду валялись трупы убитых евреев, а на столбах – повешенные. В ужасе я побежал по городу. И на других улицах картина была та же: сотни трупов повсюду. В одном из них я узнал своего товарища Абрашу Каминского, в другом – Фудима, известного в Одессе преподавателя физики...»*

Тысячи, тысячи повешенных.

Страшное, вызывающее тошноту зрелище.

Свидетельствует Владимир Рабинович: *«23 и 24 октября, куда ни кинешь глаз, кругом виселицы. Их тысячи. У ног повешенных людей лежат замученные, растерзанные и расстрелянные.»*

Наш город представляет собой страшное зрелище: город повешенных...»

С 7 часов утра и до 12 часов дня, за пять часов, в Одессе было повешено около 5 тысяч человек. Одесса стала городом повешенных.

Впрочем, в нашем городе, в нашей Одессе «такое» не могло бы произойти.

«Такое» достойно было только «Города Антонеску».

Вот и сбылась мечта бесноватого фюрера. Еще в 1922-м он обещал, что, придя к власти, прикажет *«поставить на площади Мариенплац в Мюнхене столько виселиц, сколько поместится... и вешать будут эсидов, одного за другим, и висеть они будут столько, сколько позволят элементарные нормы гигиены. И, как только снимут одних, сразу же будут повешены следующие, пока в Мюнхене не останется ни одного жиды...»*

Теперь виселицы стоят на площадях Одессы.

Теперь евреев, одного за другим, вешают в Одессе.

Вот они – эти повешенные евреи – на фотографии.

Немецкий фельдфебель сделал этот снимок – «на память» – и, помещая его в альбом, подписал, чтобы не было уже никаких сомнений: «JUDEN».

Этот немец, убитый впоследствии под Сталинградом, был, как видно, заядлым фотографом – в Париже он снимал Эйфелеву башню, в Дрездене мосты и церкви, а в Одессе – повешенных.

Достопримечательностью Одессы стали повешенные евреи.

ИЗ ДНЕВНИКА АДРИАНА ОРЖЕХОВСКОГО

«23 октября, 12 часов дня. В данный момент наша улица оцеплена, рум. с. делают обыски и выводят евреев. На Куликовом поле уже несколько человек висят...»

Достаточно! Довольно! Оргі!

Наконец, где-то в районе полудня, прозвучала команда: «*Опри!*»

Дело заключалось в том, что некуда было вешать!

Не было мест на ветках акаций, на фонарях, на балконах.

Не было мест даже на каруселях.

Повсюду висели люди со сведенными в конвульсиях ногами и вывороченными лиловыми языками.

Да и сами командующие – генералы Мачич и Трестиореану – были в смятении: акция явно начала выходить из-под контроля.

Создавалось впечатление, что «людские ресурсы» теряют рассудок. Создавалось впечатление, что солдаты превращаются в зомби, что вот-вот, еще немного, и они станут вешать друг друга.

Шутка ли – каждый из них повесил не менее сотни людей!

Каким нужно быть варваром, чтобы сделать это и не сойти с ума!

Вот ведь даже сам архитектор «окончательного решения» Генрих Гиммлер, увидев однажды расстрел евреев, упал в обморок.

Увидел, заметьте, не повешение, а всего лишь расстрел. И даже не массовый – а так... смешно сказать!.. расстрел какой-то сотни жидовок и жидовских ублюдков.

Было это в августе 1941-го в оккупированном Минске.

Узнав, что Гиммлер собирается посетить Минск, группенфюрер Небе, командующий Эйнзатцгруппе «В», решил порадовать патрона захватывающим зрелищем расстрела. Вначале Гиммлер был даже доволен этим.

«Хорошо, что я смогу хоть раз увидеть все сам», – сказал.

Но когда он действительно увидел «все сам» – увидел, как люди падают в расстрельный ров, как продолжают там шевелиться и звать на помощь, он потерял сознание. Хорошо еще, что подручный его, группенфюрер Вольф, успел подхватить слабонервного шефа и помог добраться до личного «хорьха» с номером «SS-1».

Результатом этого спектакля не стал, конечно, отказ от расстрелов, но возможности уничтожения были расширены с помощью так называемых «душегубок» – автофургонов, позволяющих удушить выхлопными газами до 70 человек и исключавшими прямой контакт с жертвами.

Возможный контакт с жертвами волновал не одного Гиммлера.

Адольф Эйхман в свое время, будучи в оккупированном Львове, очень был озабочен тем, что такое убийство может повлиять на «наших замечательных парней»¹⁴.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ЭЙХМАНА

Тюрьма «Рамле», Израиль, 1991 год

Кое-как добрался до Львова, прихожу к начальнику гестапо и говорю ему: «Это ужасно, что там делается... Ведь там из наших замечательных парней воспитывают садистов...»

Эйхман был озабочен, но «замечательные парни» все-таки не вешали, так сказать, индивидуально, а только (!) расстреливали и применяли при этом только (!) «военные методы».

За этим особенно следил группенфюрер Олендорф.

¹⁴ Ланг Йохен фон. Протоколы Эйхмана: магнитофонные записи допросов. М.: ТЕКСТ, 2002.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОЛЕНДОРФА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала

Нюрнберг, 3 января 1946 года

Допрос ведет представитель США, полковник Джон Эймен

Олендорф: *Некоторые командиры не придерживались военных методов уничтожения и проводили индивидуальные расстрелы выстрелом в затылок.*

Эймен: *Вы возражали против этого?*

Олендорф: *Да, я был против.*

Эймен: *Почему?*

Олендорф: *Так как это вызывало нежелательную психологическую реакцию как у жертв, так и у тех, кому приказано провести этот расстрел...».*

Но румын, видимо, мало волновала эта «интеллигентская психология».

У нас все по-честному, по-простому – нечего антимионии разводиться.

Убивать, так убивать. Вешать, так вешать.

И вешали... Вешали без перерыва... пять часов.

Наверное, давно уже следовало прекратить.

Но генералы – Мачич и Трестиореану – все не решались.

Дело в том, что приказ Антонеску предписывал повесить 18 тысяч жидов, а они?

А они за все это время сумели повесить только пять...

Всего 5 тысяч!

Генералы прекрасно понимали, что их ждет в случае невыполнения приказа.

И тогда вдруг возникла «блестящая идея»: поскольку в городе нет больше мест для повешения, следует просто вывести всех оставшихся жидов за город и там добить.

Ну вот и отлично! Вот и решение проблемы!

Местом бойни был выбран Дальник – небольшое село в 14–15 километрах от Одессы.

Правда, повесить там, как требовалось, еще 10–13 тысяч жидов... недостающих до 18 тысяч!.. вряд ли будет возможно...

Ну что ж – расстреляем!

Так или иначе, но Ордонанс № 561 будет выполнен.

К двум часам дня на стенах домов и на афишных тумбах был расклеен приказ, обязывающий евреев Одессы завтра, 24 октября 1941 года, явиться на Дальник:

«Всем жидам, проживающим в городе Одессе, независимо от пола и возраста, в течение 24 часов явиться в п. Дальник для регистрации паспортов, имея при себе запас провизии на трое суток. За неисполнение приказа вышеуказанные лица будут нести ответственность по закону военного времени, смертной казнью через повешение».

Обратите внимание!

Это точно такой приказ, по форме и по содержанию, как тот, что появился ровно месяц назад, 27 сентября, в Киеве.

Евреи Киева вышли тогда из своих домов и пошли на смерть к Бабьему Яру.

Неужели евреи Одессы завтра поступят так же?

Неужели пойдут на смерть на Дальник?

Обиталище повешенных

Ну, вот и закончился этот день – 23 октября 1941 года.

Улицы опустели.

Ушли на «заслуженный» отдых убийцы, а жители «Города Антонеску» схоронились в своих домах, задвинули запоры, задраили ставни.

Город стал обиталищем повешенных.

Живыми казались тела их, раскачивающиеся на ветру.

А может быть, и правда, в них все еще теплилась жизнь.

Ведь тут и там все еще раздавались стоны, все еще слышались хрипы.

Все еще капала алая кровь на синие базальтовые плитки тротуаров. Капала и собиралась в огромные лужи, над которыми все еще вился пар.

ИЗ ДНЕВНИКА АДРИАНА ОРЖЕХОВСКОГО

«23 октября 1941 г. В продолжение дня я пошел по Канатной до Троицкой, на углу лежал старый седой еврей с проломанным черепом, громадная лужа крови покрывала тротуар...»

Наступила ночь.

И теперь только гулкие шаги патрулей по брусчатке мостовых нарушали тишину мертвого города. Только тонкие лучики ручных фонариков на мгновение вырывали из темноты искаженные лица мертвецов.

Два первых действия трагедии евреев Одессы окончились.

Завтра утром начнется третье – бойня на Дальнике.

Действие третье: «AD LITTERAM!»

*Из дома № 25 по Каретному переулку угнали на Дальник Олечку
Полещук, 5 лет – одну, без родителей...
Акт Чрезвычайной государственной комиссии по установлению
злодеяний. Архив Яд-Ва-Шем. Иерусалим*

Траурный поезд

Одесса, 24 октября 1941 г. На рассвете

Генерал Трестиореану не спал вторые сутки и едва опустил голову на подушку и задремал, как его разбудили.

Возмущенный, он приоткрыл глаза и удивился: перед ним стоял полковник Попеску, которого он вчера вечером проводил на поезд, идущий в Бухарест.

Попеску козырнул и, не говоря ни слова, протянул генералу серый запечатанный сургучными печатями пакет.

Трестиореану сорвал печати, вскрыл пакет, взглянул на его содержимое и удивился еще больше: в пакете был новый приказ Антонеску – Ордонанс № 562.

Что за ерунда?

Как уехавший вечерним поездом в Бухарест полковник очутился на следующее утро в Одессе? И как к нему попал секретный приказ маршала?

О, это очень интересная история – мы узнали о ней совершенно случайно непосредственно от ее участников.

Вчера, во второй половине дня, прекратив наконец кровавую оргию повешения и решив вопрос продолжения уничтожения жидов на Дальнике, «каналья» Трестиореану, вместо того чтобы немедленно завалиться спать, вынужден был отправиться на железнодорожный вокзал.

В этот час на полуразрушенной платформе одесского вокзала проходила необычная церемония – небольшая группа высших румынских офицеров прощалась с погибшими при взрыве комендатуры товарищами. Здесь были все наши недавние знакомые: новый военный комендант города генерал Генерару, высокочтимый генерал Мачич, туповатый полковник Стэнкулеску, примарь Пынъя и самый главный убийца и вешатель – военный претор, подполковник Никулеску-Кока.

Бывший военный комендант Ион Глогоджану, в виде обгорелых останков, в ящике из оцинкованного железа на специальном траурном поезде отправлялся в Бухарест, где его встретят как героя и похоронят со всеми положенными почестями. Вместе с Глогоджану в таких же ящиках ехали останки еще нескольких офицеров – их тоже похоронят в Бухаресте. Погибшие солдаты не удостоятся такой чести. Их зароят позднее – неподалеку от взорванного Дома на Маразлиевской – в парке имени украинского поэта Тараса Шевченко.

Траурный поезд генерала Глогоджану сопровождала свита во главе с тем самым полковником Попеску, который так неожиданно объявился в Одессе и так невежливо разбудил генерала Трестиореану.

Траурная церемония была короткой, но и она утомила участников: нужно принять во внимание, что все они, так же, как и Трестиореану, с момента взрыва комендатуры не сомкнули глаз и теперь с нетерпением ждали окончания этой томительной процедуры.

Но вот наконец отгремел салют, траурный поезд дал прощальный гудок и отправился в путь – через Тирасполь, Тигину и Кишинев в Бухарест.

Теперь и глава траурной свиты, полковник Попеску, утомленный хлопотами, мог отдохнуть – он удобно устроился в одноместном купе, сбросил китель, стер с лица подобающее случаю траурное выражение и принялся за принесенный денщиком обед. Поесть этот толстяк любил, и на его здоровый аппетит не могли повлиять ни ящики из оцинкованного железа, загруженные в соседний вагон, ни предстоящий долгий переезд в Бухарест.

По правде сказать, Попеску сам напросился на эту поездку – соскучился по любимой жене Мириям, да и Одесса с ее улицами, заваленными трупами, могла свести с ума кого угодно. Полковник был рад, что покинул «Город Антонеску», и уже предвкушал удовольствия, ожидавшие его в Бухаресте.

Но у судьбы были на его счет другие планы.

Вечером того же дня, когда траурный поезд остановился на несколько минут в Тигине, Попеску вызвали в штаб 4-й армии. Полковник вначале был удивлен, а в дальнейшем, видимо, и ошарашен, когда начальник штаба генерал Тэтэряну вручил ему серый запечатанный сургучными печатями пакет и приказал немедленно возвращаться в Одессу.

Пакет следовало передать в собственные руки генералу Трестиореану.

Ну вот, снова секретный пакет и снова генерал Трестиореану. И снова «немедленно», точно так же, как в случае с полковником Стэнкулеску.

Делать нечего. Разочарованный крушением мечты повидаться с женой, полковник Попеску на предоставленной ему штабной легковушке отправился обратно в Одессу. К утру 24 октября он был уже в штабе 10-й пехотной дивизии, разбудил генерала Трестиореану и вручил ему проклятый пакет.

Тот сорвал печати и вскрыл пакет.

В пакете, как вы уже знаете, был новый приказ Антонеску – Ордонанс № 562¹⁵.

Мы, конечно, расскажем вам об этом странном приказе, но пока позвольте сказать несколько слов о судьбе полковника Попеску, к которому мы испытываем искреннюю симпатию.

Трагедия полковника Попеску

Передав пакет генералу Трестиореану, Попеску вернулся к своим обычным, мучительным для него обязанностям.

Это может показаться странным, но полковник румынской армии Попеску испытывал глубокое отвращение к тому, что творила его родная армия в Одессе, и особое отвращение к актам варварского уничтожения евреев. Такое нетипичное поведение румынского офицера было связано с тем, что жена Попеску – та самая красавица Мириям, которую он так мечтал увидеть, была еврейкой. Этот прискорбный факт мешал карьере полковника и отравлял ему жизнь. Начальство смотрело на него косо и в конце концов поставило его перед выбором: армия или еврейка.

Попеску выбрал еврейку, и был уволен из армии.

Мириям не смогла простить себе несчастья, постигшего мужа по ее вине, и покончила жизнь самоубийством.

Вернувшись однажды домой, Попеску с ужасом увидел висящую на люстре жену. Окна комнаты были распахнуты, и труп Мириям легонько раскачивался на ветру.

Полковник был потрясен. Перед его глазами сразу возникла Одесса и тысячи повешенных евреев, раскачивающихся на ветру...

¹⁵ *Ancel Jean. Transbistria. Bucaresti: ATLAS, 1987.*

Как будто несчастная Мириям заплатила жизнью за его, Попеску, быть может, невольное участие в этом злодействе.

Война закончилась. В Румынии к власти пришли коммунисты, и Попеску, как офицер королевской румынской армии, был арестован. Единственным его преступлением... вот ирония судьбы!.. была доставка в Одессу Ордонанса № 562.

Ион Попеску был приговорен к пожизненному заключению.

И какой невероятный парадокс: в подземелье страшной тюрьмы «Жилава» баловница-судьба свела офицера румынской армии Попеску, арестованного за участие в уничтожении евреев, с еврейским юношей Шмайей Авни, арестованным за сионистскую деятельность¹⁶.

И чего только не бывает на свете – они подружились!

Сердобольный Шмайя опекал одинокого тучного и неопрятного старика, доживавшего свои дни на нарах третьего яруса, под потолком, куда он с трудом мог забраться, и даже помогал ему выносить переполненную нечистотами парашу.

В благодарность за это старик раскрывал ему свою душу: показывал пожелтевшую фотокарточку молодой красавицы-еврейки и рассказывал о далеком прекрасном городе Одесса, который в октябре 1941-го стал монстром по имени «Антонеску».

Шмайя Авни выбрался из тюрьмы «Жилава».

Ион Попеску умер в тюрьме.

«Приказ – камуфляж»

Итак, Ордонанс № 562...

Необычный, можно сказать, даже странный, приказ.

Мы назвали его «Приказ-камуфляж».

И постараемся объяснить почему.

Прошли всего одни сутки с тех пор, как 22 октября, около полуночи, Антонеску отдал свой первый приказ – Ордонанс № 561.

И вот теперь он отдал второй – Ордонанс № 562, в котором, на удивление, речь снова идет о мерах, которые следует применить к виновникам взрыва на Маразлиевской.

Но ведь этот, второй приказ фактически дублирует первый?

Зачем это нужно?

Как вы, наверное, помните, Ордонанс № 561 требовал **«повесить на площадях Одессы 18 тысяч жидов»**. Антонеску отдал приказ этот ночью, сгоряча, а утром, как видно, понял, что совершил ошибку. Сам ли он до этого додумался или же «милый друг» Михай напомнил ему о Гаагских конвенциях, запрещающих террор по отношению к гражданскому населению, – это уже не имеет значения.

Но при «свете дня» тот первый приказ выглядел как-то «не очень»...

И черт его знает, как это все дальше сложится, как карта ляжет...

И не придется ли понести ответственность?..

Просто отменить Ордонанс № 561 не представлялось возможным, тем более, что его уже начали выполнять. Оставалось только каким-то образом спрятать его – «закамуфлировать».

Так и было сделано.

Ордонанс № 561 подменили!

Ордонанс № 561 просто подменили Ордонансом № 562!

Теперь Ордонанса № 561 как бы и не существовало. Тем более, что написан он был от руки, в одном экземпляре и, как надеялся Антонеску, попав по назначению, был уничтожен.

¹⁶ Авни Шмайя. История сиониста в Румынии. Тель-Авив, 1995.

Ордонанс № 562 стал, таким образом, единственным приказом и в нем уже нет речи о 18 тысячах жидов, которых следует повесить, – число намеченных жертв не названо прямо, а связано с числом погибших при взрыве. Виновников взрыва следует «не повесить», а «казнить». И, самое главное, будущие жертвы названы не «жидами», а «коммунистами», которые, видимо, действительно осуществили взрыв. Жидов же приказ обязывает не вешать и даже не казнить, а только задерживать в качестве заложников.

Так что все стало гораздо «красивее»: за каждого погибшего офицера казнить столько коммунистов, а за каждого солдата – столько-то.

И все... И никаких жидов. И никаких виселиц.

ОРДОНАНС № 562

Бухарест, 23 октября 1941 г., 12 часов 30 минут

Как следствие того, что произошло с военной комендатурой Одессы 22 окт. 41 г., Маршал Антонеску приказывает:

Так как мы почти уверены в том, что акция в Одессе была задумана коммунистами, и чтобы на будущее предотвратить такие акции, домнуле Маршал приказывает начать жестокие репрессии следующим образом:

За каждого погибшего немецкого или румынского офицера будет казнено 200 коммунистов. За каждого солдата по 100...

Все коммунисты Одессы будут взяты в заложники, а также по одному человеку из каждой еврейской семьи...

Глава Военного Кабинета, полковник Давидеску

Ордонанс № 562 не подлежал уничтожению, и даже наоборот – он должен был сохраниться и стать своего рода «алиби» для Антонеску. Настанет день и в 1946-м, на Процессе «Великого национальной предательства» в Бухаресте, «Красная Собака» не только не будет отпираться от Ордонанса № 562, но даже попытается использовать его для своей защиты. Когда ему задали вопрос, кто дал приказ о казни евреев, он с готовностью ответил: «Я дал этот приказ. Я отдавал много еще более репрессивных приказов, как это делали все государства в то время... Мы не казнили евреев. Мы не казнили детей. Я издавал приказы для репрессий, а не для убийств...»

Ордонанс № 562 настолько вошел в историю, что в любой энциклопедии, в любой монографии, в любых мемуарах вы обязательно найдете о нем упоминание. И сможете прочесть, что в октябре 1941-го в Одессе... какой кошмар!.. румынские оккупанты за каждого погибшего при взрыве комендатуры офицера казнили 200 коммунистов, а за каждого солдата – 100.

И это – ложь! Ордонанс № 562 никогда не выполнялся!

Да и не мог быть выполнен.

Ну, давайте посчитаем. При взрыве комендатуры погибли 66 человек: генерал Глогоджану, 4 немецких офицера, 15 румынских офицеров и еще 46 унтер-офицеров, солдат и гражданских лиц.

Простой расчет показывает, что казнить в таком случае нужно было 8600 коммунистов: за офицеров – 4000, а за унтер-офицеров, солдат и гражданских лиц еще 4600.

Но где, скажите на милость, румыны могли найти в Одессе столько коммунистов? У нас и до войны их было всего чуть более 12 тысяч – точнее, 12 192.

Верхушка эвакуировалась, а те, что рангом пониже, ушли на фронт. Речь могла идти о сотнях, а не о тысячах.

И еще. Полковник Попеску доставил Ордонанс № 562 в полдень 24 октября 1941-го. К этому времени уже были повешены более 5 тысяч евреев и шла ускоренная подготовка ко

второму этапу уничтожения – на стенах домов, на воротах и на афишных тумбах уже был вывешен приказ *«всем жидам города Одессы явиться на Дальник»*.

Так что не надо «охать и ахать» по поводу «страшного» Ордонанса № 562. В жизни и смерти евреев Одессы все было гораздо страшнее.

На Дальник...

Одесса, 24 октября 1941 г. Около 8 часов утра

«Дал-ны-к»...

Это труднопроизносимое слово намертво врезалось в память румын.

Дальник – проклятый Дальник – последний рубеж обороны Одессы, который никак не могла одолеть доблестная румынская армия.

Дальник действительно взять было непросто. Ведь именно здесь, на Дальнике, впервые вступили в бой знаменитые ракетные установки, названные ласковым женским именем «Катюша».

Эффект был потрясающим! Вначале румыны замерли в оцепенении, а затем с истошными воплями пустились в бегство. За один только день, 2 октября 1941-го, на Дальнике было уничтожено более 1000 румынских солдат, и сотни две еще сдались в плен.

Дальник был проклятием для румын.

Теперь он станет проклятием для евреев Одессы.

Рваные клочья тумана, словно из милосердия, белым саваном окутали трупы повешенных. Мертвая тишина, как беззвучное эхо прошедшей ночи, накрыла улицы. Мертвая тишина, тем более странная, что город начал уже заполняться живыми людьми.

Это евреи...

Они выбираются из своих домов, и с каждой минутой их становится все больше и больше – сотни, нет, тысячи, тысячи...

В основном это женщины – старые и молодые.

Женщины с детьми.

Но как не похожи они на наших полногрудых громкоголосых еврейских женщин!

У этих женщин бледные лица, покрасневшие от слез глаза, узелки и корзинки в руках. Дети одеты тепло – в пальтишках и шапочках, на тоненьких шейках повязаны яркие шерстяные шарфики. Красные, зеленые, желтые...

Боже мой, почему их так много, этих веселых шарфиков?

Боже мой, почему их так много – детей?

Медленно идут евреи, неуверенно. Словно еще не решили – идти или не идти. Словно все еще ждут какого-то чуда, которое вот-вот случится, и тогда... и тогда не надо будет уже идти.

Но чуда нет. И они идут.

Пробираются меж повешенными. Обходят трупы замученных. Стараются не наступить на лужи уже запекшейся крови. Идут...

И вот их уже целые толпы, со всех концов города тянутся на Молдаванку – по Софиевской и Петра Великого, по Херсонской и Нежинской, по Преображенской, по Большой и Малой Арнаутской...

Тянутся к Прохоровской, которая выведет их на бесконечную Дальницкую, а оттуда уже прямая дорога на Дальник.

Но у самого устья Прохоровской, в треугольном скверике, на бывшем Толкучем рынке, где до революции торговали всяким старьем, они почему-то останавливаются.

Историки потом напишут, что это румынские власти приказали собраться в скверике. Но это, конечно, не так. В румынском приказе речь шла только о Дальнике, а люди стали собираться здесь сами, спонтанно. Вместе они, видимо, чувствовали себя более уверенно. Всех не повесят...

Долго топтались они в нерешительности здесь, на родном им «толчке». Собирались группками, по четыре-пять человек. Переходили из одной группки в другую. Прислушивались к разговорам и сами вступали в разговор.

Страшились и в то же время надеялись – не на смерть же – на регистрацию.

Туман постепенно рассеивался, и вот уже хмурое осеннее утро обернулось не менее хмурым осенним днем.

Время приближалось к полудню.

Нужно было идти.

И они пошли...

Но только ступили на Дальницкую, все стало вдруг до ужаса ясно: Дальницкая оцеплена и... обратной дороги нет. Теперь они фактически шли под конвоем, теперь их уже гнали прикладами, добивая, пристреливая отстающих.

А по обеим сторонам этой проклятой Дальницкой стояли неведомо как попавшие сюда жители... нет-нет, конечно, не жители нашей Одессы... а мародеры из «Города Антонеску». Им почему-то было очень весело – они что-то кричали бредущим евреям, вырывали у них узелки и корзинки, срывали с женщин платочки, сдергивали с детей их яркие – красные, зеленые, желтые – шарфики...

Между тем и положение в городе изменилось. Тех, кто не вышел с утра на Дальник добровольно, теперь выгоняли силой. Из Тюремного замка, где все еще в темном углу под лестницей дрожала Ролли, солдаты выдворили несколько сот евреев и тоже погнали на Дальник. В суматохе этой акции девочку и ее родителей, прикрытых распахнутой дверью, к счастью, не заметили.

ИЗ ДНЕВНИКА АДРИАНА ОРЖЕХОВСКОГО

«24 октября 1941 г. У нас во дворе с утра рев. Оказывается, расклеен приказ, чтобы все евреи пошли регистрироваться в Дальник, а это всего 19 км расстояние.

Я пошел по улицам до центра города. Всюду во всех дворах собираются евреи со своими пожитками и направляются в Дальник.

Описать всю эту картину невозможно. Старики и старухи, еле волочащие ноги, больные и калеки на костылях...

Я себе не могу представить, как они пройдут это расстояние... Уже два часа. В семь совершенно темно...»

Из дома № 21 по Каретному переулку ушли на Дальник муж и жена Тернопольские. С ними был 6-летний сынишка.

Из дома № 23 по тому же Каретному ушла на Дальник старушка Бродская, 65 лет, а из дома № 25 – Ева Господино, 30-ти лет, с 3-летним Шуриком.

Из того же дома № 25 по Каретному переулку угнали на Дальник Олечку Полищук, 5-ти лет – одну без родителей.

Акты... Акты...

Знакомые с детства одесские улицы, переулки...

Детские имена...

Все эти Шурики, Яники, Эрики, Олечки...

Олечка, Олечка Полищук...

Да неужели в доме № 25 по Каретному переулку не нашлось ни одной соседки, ни одной истинно русской женщины, которая взяла бы тебя к себе в дочки и спасла бы от смерти?

Счастливая случайность

На Мясоедовской, во дворе городской больницы № 1, которая называлась Еврейской, поскольку была построена в 1800-м на деньги еврейской общины, собираются врачи, медсестры. Все они евреи, получившие распоряжение главного врача, профессора Кобозева, выйти на Дальник.

Распоряжение было неожиданным, и люди были удивлены.

Профессор Кобозев – видный окулист, ученик Филатова, – получив приказ оккупантов, тоже был удивлен. И даже более того – профессор был испуган. Вся эта история с Дальником ему не нравилась, особенно потому, что и в его семье все, кроме него самого, были евреи: жена его Марья, а значит, и дочери – Таня и Наташа, и внуки – Вовочка и Толик, отцы которых тоже...

Ах, да что говорить...

Нет, он, конечно, не мог предположить, что ждет врачей на Дальнике, но все равно не с легкой душой приказывал им идти. Жену свою, дочерей и внуков он, кстати, даже не думал туда отправлять.

Между тем евреи уже собрались и прикрепили на рукава белые повязки с Красным Крестом. Этот отличительный знак – Красный Крест на белом фоне – был учрежден еще в 1864-м на международной конференции в Женеве и с тех пор во всех войнах служил охранной грамотой для медицинского персонала.

Предполагая, что будет так и на этот раз, евреи построились и приготовились идти на Дальник.

В этой колонне должен был идти один ребенок и только по счастливой случайности не пошел. Этим ребенком был Янкале.

Янкале все последние месяцы жил вместе с мамой, бабушкой и тетей на территории больницы в бомбоубежище. Мама его, которую все ее знавшие называли Фаничка, работала здесь секретарем, и ей разрешили, как и многим другим сотрудникам, поместить семью в больничное бомбоубежище.

Сегодня утром, в общей спешке не вполне уразумев, о чем речь, Фаничка вместе с Янкале тоже вышла на больничный двор и даже приладила на рукав повязку с Красным Крестом. Но затем, обнаружив, что идти придется до Дальника, поняла, что это невозможно: ни мать ее, ни сестра, страдавшая с детства полиомиелитом, не смогут пройти пешком 15 километров, да и для Янкале это будет, наверное, тяжело.

Единственный выход идти на Дальник одной, а всю семью оставить на несколько дней здесь, в больнице. Правда, для этого следовало получить разрешение жены главврача – Марьи Михайловны, бывшей здесь «хозяйкой».

Строго-настрога наказав Янкале ждать ее во дворе и «не двигаться с места», Фаничка бросилась на поиски Марьи Михайловны.

Марья Михайловна Кобозева была, мягко говоря, своеобразным человеком. Грузная, неопрятная, с всклокоченными сидящими волосами, облаченная в какой-то нелепый салоп и фильдеперсовые чулки с живописными дырами, она представляла весьма неожиданный контраст мужу – профессору, красивому и элегантному мужчине.

Но профессор любил жену. Они прожили вместе более 40 лет, с тех самых пор, как во время Первой мировой познакомились в военном госпитале в Симеизе, где Маня, совсем еще юная медсестричка, ухаживала за ранеными. Ради нее будущий профессор Кобозев бросил жену и, забрав троих детей, начал новую жизнь с любимой, которая воспитала его детей и

народила ему еще нескольких. И сегодня они, все вместе, живут здесь, в подвале одного из корпусов Еврейской больницы, которой она правит, как своим собственным домом.

Найти Марию Михайловну было нетрудно: по всем этажам раздавался ее зычный голос, которым она – дружелюбно, впрочем, – распекала кого-то за нерадивость.

Фаничка пошла на голос и, торопясь и смущаясь, высказала Кобозевой свою просьбу. Та как-то сразу согласилась, но только в отношении матери и сестры – присутствие старушки и инвалида в больничной палате не должно было вызвать вопросов. Но Янкале – это другое дело. Положить десятилетнего мальчика, да еще еврея, в мужскую палату невозможно.

«Ребенка вам придется взять с собой», – сказала Кобозева, не упомянув, конечно, о том, что в этой мужской палате, она укрывает раненых советских моряков.

Перевод матери и сестры в женскую палату занял достаточно много времени. Но в конце концов все устроилось.

Несколько прощальных слов: «*Не беспокойтесь. Все будет хорошо. Мы вернемся завтра или, самое позднее, послезавтра утром*», и она помчалась к воротам – туда, где собиралась колонна, идущая на Дальник.

Но... на пустом больничном дворе был один только Янкале, который послушно, «не двигаясь с места», ждал мать.

Колонна ушла.

Фаничка была в растерянности.

Какая беда! Как теперь они доберутся до Дальника!

Но как иногда шутит судьба – беда обернулось счастьем.

Все врачи и медсестры Еврейской больницы, ушедшие на Дальник, погибли, и если бы мать и сын были в этой колонне, то к вечеру этого дня их уже не было бы в живых.

Банальность Зла

Евреи Одессы вышли на Дальник.

До-бро-вольно!

И если бы они этого не сделали, то румыны никак не смогли бы выявить их в огромном заполненном трупами городе.

Но они облегчили убийцам «работу» и сами... сами!.. пошли на смерть!

Точно так же, как в Киеве, точно так, как везде.

И убивали их всех, практически, одинаково...

Удивительно! Невероятно!

Ведь совершалось это злодейство в десятках различных мест, и совершали его тысячи, никогда не встречавших друг друга убийц – немцев, румын, украинцев, литовцев...

Что это? Одна и та же методика уничтожения?

Именно так!

Одна и та же дьявольская методика уничтожения!

И автором этой уникальной методики был не кто иной, как Адольф Эйхман.

Личность Эйхмана всем хорошо известна, и совершенные им преступления тоже ни для кого не секрет. Как глава еврейского реферата гестапо, он всегда был в эпицентре оргии уничтожения: именно он был создателем Эйнзатцгруппе СС, действовавших на территориях СССР, и именно к нему поступали их кровавые рапорты, именно он был организатором совещания в Ванзее, послужившим началом «окончательного решения», и именно его подпись стоит под протоколом этого совещания...

Да и сам он однажды с гордостью заявил: «*Я сойду в могилу смеясь, поскольку тот факт, что на моей совести смерть шести миллионов жидов, дарит мне необычайное удовлетворение*».

Но вот о том, что все массовые убийства совершались по разработанной им методике, никто никогда почему-то не упоминал.

Об этом удивительном факте рассказал в своих воспоминаниях американский судья Майкл Масманно¹⁷.

После завершения Международного Нюрнбергского процесса в том же Нюрнберге в 1946–1948 годах проходили еще 12 отдельных процессов Американского военного трибунала. Председателем процесса № 9, касавшегося Эйнзатцгруппе СС, был судья Масманно.

И хотя на скамье подсудимых Эйхмана не было, судье пришлось уделить ему много внимания и изучить все документы, связанные с его «деятельностью».

В процессе этой мучительной, по словам Масманно, работы он неожиданно обнаружил, что «честь» создания методики массового уничтожения принадлежит Эйхману.

Эйхман не присутствовал на процессе Эйнзатцгруппе СС по «уважительной», так сказать, причине – в те дни он скрывался от правосудия и продолжал успешно скрываться еще лет пятнадцать, до того самого вечера, когда однажды на темной улочке Буэнос-Айреса его не выследили агенты израильского «Моссада».

В тот вечер Эйхман задержался на службе и очень спешил домой, где ждала его к ужину семья – любимая жена Вероника и четверо сыновей.

Он уже подходил к дому, когда его окликнул мужской голос.

«Минуточку, сеньор!» — сказал по-испански незнакомый мужчина.

Эйхман обернулся и едва успел подумать, что обычные эти слова прозвучали немного странно и что окликнувший его человек, наверное, иностранец, как почувствовал, что летит в пропасть...

И он действительно полетел – в Израиль. С комфортом полетел – на специально присланном за ним военном самолете.

И вот он здесь, в Иерусалиме, в зале суда за пуленепроницаемым стеклом, под охраной полицейских...

Но все равно, все равно – ему страшно...

Страшно в этом, наполненном болью и ненавистью зале, страшно от этих, окружающих его лиц, от этих, смотрящих на него глаз, страшно от вдруг восставших из мрака картин его кровавого прошлого...

Страшно... и руки его дрожат, и рот кривится, и он уже не думает хвастаться миллионами уничтоженных, а вновь и вновь повторяет, что он «лично» против евреев ничего не имеет и что он «лично» ни одного еврея не убил.

Эйхман пытается спасти свою шкуру, и это не удивительно.

Удивительно другое!

Удивительно, что в этом зале, где трудно дышать, где люди не в силах вынести ужаса воспоминаний, бьются в истерике и падают без чувств, есть человек, способный пожалеть убийцу и даже... даже!.. найти ему оправдание.

Таким человеком была Ханна Арендт.

Ханна Арендт – одна из самых знаковых фигур духовной жизни XX века, ученица великого немецкого философа Эдмунда Гуссереля, любовница другого великого философа Мартина Хайдеггера и сама блестящий философ, еврейка, бежавшая из Германии, – осмеливается оправдывать... оправдывать!.. Эйхмана?!

Ханна Арендт присутствовала на процессе Эйхмана как корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», и этот процесс стал для нее... «счастливым лотерейным билетом».

Преступления, совершенные Эйхманом, натолкнули ее на идею «обыденности», по сути – «банальности зла», и в своих репортажах она, пытаясь оправдать убийцу, развивала именно

¹⁷ Масманно Майкл. Специальные команды Эйхмана. М.: Центрполиграф, 2010.

эту идею. А вернувшись в Америку, опубликовала книгу под тем же названием: «Банальность Зла»¹⁸.

Книга стала бестселлером, и Ханна Арендт, как говорят, «проснулась знаменитой».

С тех пор прошло много лет и мало кто, кроме профессионалов, помнит сегодня о Гусере и Хайдеггере, но имя Ханны Арендт и название ее книги знает каждый школьник.

Идея «банальности зла» сама по себе, наверное, интересна.

Но можно ли подходить с такой философской меркой к конкретному преступнику?

Арендт рисует Эйхмана как маленького банального и даже жалкого человека.

И зубы у него... извините!.. гнилые, и шея морщинистая, и сам он «лично» никого не убивал. Его ни в чем нельзя обвинять – он просто «щепочка», случайно попавшая в зловонный поток коллективного банального зла.

Да, действительно – маленький и банальный, и зубы гнилые, и шея... шея тоже, конечно, морщинистая... и сам он, быть может, «лично» никого не убивал...

Но он отнюдь не «щепочка», попавшая в поток банального зла!

Адольф Эйхман – само это Зло!

Банальное или какое другое – это не имеет значения!

Он тот, кто своим заостренным, как нож мясника, умом и четкими действиями немецкого бюрократа упорядочил «энтропию террора» и превратил террор в эффективную и беспощадную машину уничтожения.

И в этом его самое большое преступление.

Дьявольская методика

Одним из средств упорядочения «энтропии террора» стала разработанная Эйхманом дьявольская методика уничтожения.

Методика складывалась не сразу. Вначале это была просто удачная «придумка», такое, скажем, личное ноу-хау.

В 1938-м, когда Эйхман, молодой еще тогда унтерштурмфюрер, был послан по «жидовским делам» в Вену, ему пришлось столкнуться с проблемой «обнаружения жидов». Речь в те далекие дни, впрочем, не шла об уничтожении, а только о принуждении к эмиграции.

Это была голубая мечта Адольфа Гитлера – Вена без жидов!

Мы помним, как действовали они ему на нервы в развеселой Вене начала XX века, когда он, бездомный бродяга, проводил свои ночи в вонючих ночлежках и выпрашивал миску супа на монастырской кухне.

Теперь время пришло – им придется убраться из Вены.

Эйхман горел желанием выполнить приказ фюрера, но, проболтавшись несколько недель в Вене, понял, что он невыполним.

Как, скажите на милость, можно принудить жидов убраться, если даже не знаешь, где их искать?

Вот тогда и возникла эта «придумка», в каком-то смысле даже «парадокс»: найти и принудить жидов убраться могут только сами жидаы!

Отлично! Он приглашает «к себе», во дворец Ротшильда, нескольких лидеров местной еврейской общины и, обаяв их доброжелательным отношением, объединяет в некий еврейский комитет.

Еврейские комитеты – «юденраты»...

Сложный неоднозначный вопрос...

Кто они – эти врачи, адвокаты – элита еврейских общин – предатели или герои?

¹⁸ *Arendt Hanna. Banality of Evil. N. Y.: The Viking Press, 1963.*

Что знали они, о чем догадывались, когда сотрудничали с нацистами?

Многие в конце концов погибли, а те, кому удалось сохранить жизнь, провели весь остаток ее на чужбине.

Но тогда, в 1938-м, «придумка» сработала.

С помощью юденрата, во главе которого стоял один из раввинов Вены – Беньямин Мурмельштайн, – были составлены списки евреев и более 120 тысяч покинули страну.

Адольф Эйхман снискал славу «специалиста по еврейскому вопросу» и в 1939-м, когда было создано Главное управление имперской безопасности РСХА, получил пост начальника еврейского реферата гестапо.

Та же «придумка» была использована в Польше, где без юденрата, наверное, не было бы Варшавского гетто.

Польша в те дни лежала в развалинах.

Города превратились в руины, улицы потеряли названия, дома – номера.

А люди – поляки, евреи, местные и депортированные из Германии – забились в подвалы, в щели, без электричества, без воды...

Как среди этих развалин обнаружить евреев?

Но путь был уже известен – юденрат!

В Варшаве был создан юденрат во главе с инженером Адамом Черняковым. Черняков разослал по городу своих «активистов», и они, пробираясь между развалинами, переходили из подвала в подвал, из щели в щель и убеждали затаившихся там евреев заполнять специальные «опросные листы».

Число обнаруженных евреев составило 268 016 взрослых и 91 611 детей.

Всех их согнали в гетто и впоследствии уничтожили.

А глава юденрата Адам Черняков покончил жизнь самоубийством. В записке, оставленной им жене, всего несколько слов: *«Я беспомощен. Мое сердце разрывается от боли. 23 июля 1942».*

После начала операции «Барбаросса» Эйхману пришлось расширить свою «придумку» и превратить ее в настоящую методику. Ведь речь теперь шла уже не об эмиграции и даже не о концентрации в гетто, а об уничтожении.

О физическом уничтожении сотен тысяч людей!

И не стоило пускать это дело на самотек, не стоило полагаться на интеллигенцию, «наших замечательных парней». Здесь нужна была стандартизация – совершенно конкретные точные указания.

Ну подумайте сами!

Входит, допустим, некая Эйнзатцгруппе «А», «В», «С» или, скажем, «D» в некий город – города в большевистской России огромные, многоэтажные, разрушенные войной, жидов много – десятки, иногда сотни тысяч.

Ну, вначале, конечно, повеселились, сожгли синагогу, убили несколько сотен случайно попавшихся под руку жидов, изнасиловали десяток девочек, а дальше?

А дальше-то что делать? Как быстро и по возможности «чисто», не пачкая рук, уничтожить враз сотню тысяч человек?

Чтобы это осуществить, нужно, как минимум, прежде всего их обнаружить.

Обнаружить, сконцентрировать в одном удобном месте, а потом уже убивать.

Вот так и родилась она – эта дьявольская методика уничтожения.

И кто, как не Эйхман, мог ее «родить»?

Как вы уже догадались, методика состояла из двух почти равнозначных частей: концентрация и убийство.

Для концентрации предлагались два пути.

Первый состоял в том, что на стенах домов вывешивается какой-нибудь абсолютно абсурдный приказ, требующий от всех жидов явиться в определенное место, скажем, в целях «переселения» или «регистрации паспортов» или еще в целях какой-нибудь хрени, это не суть важно. Важно только подчеркнуть, что тот, кто не явится, будет наказан «по законам военного времени».

И все... И жида сами вылезут из своих укрытий.

Вылезут и пойдут в указанное место, и повезут в колясках своих ублюдков, и потащат своих стариков. До-бро-вольно!

Второй путь более сложен и более длителен. В этом случае следует создать юденрат, и он уже выполнит все, что требуется.

Оба пути проверены и надежны. Пользоваться можно по выбору – первым, или вторым, или двумя сразу, вначале первым, а затем для надежности вторым.

Поиск места убийства тоже особых усилий не требует – следует по возможности делать это за пределами населенного пункта. В поле, в лесу всегда есть что-нибудь типа оврага или противотанкового рва, в котором удобно расстреливать. Ну а если оврага и рва нет в наличии, то нужно заставить жидов самим вырыть себе могилу.

Теперь собственно убийство.

И здесь все четко прописано: ставить на край оврага на колени или же укладывать на дно, с какого расстояния стрелять, какую команду давать на расстрел и как закапывать...

Весь этот бесценный материал был обработан. Разделен на параграфы, подпараграфы, подподпараграфы, сведен в особую инструкцию и спущен исполнителям.

А уж как они ее исполняли! Как исполняли!

Как эта инструкция исполнялась, шокированный мир узнал из свидетельских показаний группенфюрера Отто Олендорфа.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОЛЕНДОРФА

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала,

3 января 1946 г.

Допрос ведет обвинитель от США полковник Джон Эймен.

Эймен: Расскажите Трибуналу, как проводились эти казни?

Олендорф: Евреев после регистрации собирали и перевозили к месту казни.

Как правило, местом казни был противотанковый ров или просто яма. Казни осуществлялись по-военному, по команде...

Эймен: Что делали с телами после расстрела?

Олендорф: Их зарывали в этой яме или в противотанковом рву...

Эймен: В каком положении расстреливались жертвы?

Олендорф: На коленях или стоя...

Вот так, строго по инструкции, действовали немцы. Так это было в 1939-м в Польше под Острув-Мазовецком. Так это было двумя годами позднее, в сентябре 1941-го, в Киеве в Бабьем Яру.

Но ведь именно так, точно так действовали и румыны!

Создается впечатление, что они действовали по той же самой инструкции.

И это правда!

Инструкцию привез в Бухарест Густав Рихтер.

Вы помните, как перед «командировкой» его инструктировал Эйхман?

Так вот, кроме всех прочих ценных указаний он вручил ему и инструкцию.

И румыны, известные своей неорганизованностью, на этот раз не подвели – действовали строго по инструкции, только иногда с некоторыми «милыми отсебятинами», вот как в Меркулештах.

**ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
против полковника Эмиля Матьяша
Народный суд Румынии, май 1946 г.**

После того как 8 июля 1941-го румынская армия вошла в Меркулешты, всем жидам было приказано выйти на окраину. Мужчин отделили от женщин и детей и заставили углубить танковый ров. С наступлением темноты лейтенант Юджин Михайлеску установил их группами по 10 человек лицом ко рву и расстрелял...

Когда с мужчинами было покончено, настал черед женщин и детей. С ними поступили так же...

Когда последняя женщина была убита, на месте, где стояли ожидавшие расстрела жида, остался один мертвый младенец. Он лежал на земле, как сверток из грязных тряпок...

В тот страшный день в Меркулешты случайно попал полковник Александро Мандрейа. Как показал на процессе Мандрейа, он пришел в ужас, увидев обнаженные трупы со вспоротыми животами и обломками досок, торчащих из женских детородных органов.

Все это было. Было на окраине местечка Меркулешты 8 июля 1941 года.

Три месяца назад...

А сегодня евреи Одессы уже идут.

Идут на Дальник.

И где-то там, среди них, бежит, торопится Фаничка и тащит за собой Янкале.

Бойня на Дальнике

Дальник стал огромной могилой для евреев Одессы.

Несколько тысяч молодых и смелых, которые первыми покинули «толчок» на Прохоровской и засветло добрались до Дальника, расстреляли сразу в противотанковых рвах, которые во время блокады города вырыли одесситы.

Их отбирали группами по 40–50 человек, связывали между собой и, столкнув в ров, расстреливали.

Акция проходила под командованием подполковника Никулеску-Кока.

Помогал ему командир 2-го пулеметного батальона подполковник Деляну.

А еще...

Об этом никто никогда не говорил, но за бойней на Дальнике наблюдали весьма привилегированные «гости» – сам командующий Эйнзатцгруппе «D» Отто Олендорф и его подчиненный, командующий Эйнзатцкоммандо «ЕК-11в» Вернер Брауне.

Штурмбаннфюрер Брауне прибыл в распоряжение Эйнзатцгруппе «D», в Николаев, в сентябре 1941-го и получил назначение... в Одессу.

Мы слышали о том, что некий штурмбаннфюрер Брауне был в Одессе, но долго не могли ничего о нем разузнать и вынуждены были даже поехать «искать» его в Нюрнберг. И вот что нам удалось установить.

Карл Рудольф Вернер Брауне – 32-летний доктор юриспруденции, выпускник Йенского университета, был уже вполне сформировавшимся палачом, накопившим огромный опыт убийств на посту главы гестапо в Везермюнде.

По всем свидетельствам, он был очень «положительным» человеком: примерный христианин, примерный семьянин, отец трех очаровательных детей и, как истинный патриот Фатерланда, частый посетитель гиммлеровского официального бардака «Лебенсборн», где непороч-

ные арийки совокуплялись с чистыми арийцами мужского пола и рожали от них таких же чисто арийских отпрысков – для пополнения нации.

Эту свою «положительность» Брауне сполна продемонстрировал в октябре 1941-го в истекающей кровью Одессе, а затем, отбыл в Симферополь, где принял участие в «Рождественской акции», в процессе которой в противотанковых рвах на Феодосийском шоссе было расстреляно 10 000 евреев.

В 1947-м Брауне был судим тем самым Американским военным трибуналом, председателем которого был Майкл Масманно.

На суде он вел себя нагло, признавал участие в массовых убийствах и даже бахвалился: *«Это происходило под моим руководством. Однажды я даже присутствовал при экзекуции вместе с господином Олендорфом. Мы оба признали, что экзекуция проводится в полном соответствии с инструкцией...»*

Ну вот и еще одно свидетельство: экзекуция проводится в полном соответствии с инструкцией!

Брауне, правда, не сказал, где именно проводилась экзекуция, но мы, изучив документы, привезенные из Нюрнберга, сумели это установить.

Группенфюрер Олендорф неоднократно лично присутствовал при убийствах. По его собственному признанию, он присутствовал при убийствах в Николаеве, осуществленных Эйнзатцкоммандо «ЕК-11а», и при убийствах в Ананьеве, осуществленных Зондеркоммандо «СК-10 б».

Но при убийствах в Симферополе он присутствовать не смог – из-за плохого состояния дорог. Не постарались большевики – не подготовили дороги!

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ОЛЕНДОРФА НА ПРОЦЕССЕ ЭЙНЗАТЦГРУППЕ СС В НЮРНБЕРГЕ

«По техническим причинам, в связи с состоянием дорог я не мог инспектировать все массовые экзекуции. В тех случаях, когда я не мог присутствовать лично, я направлял своих помощников с тем, чтобы они могли представлять меня.

Я хорошо помню, что Шуберт инспектировал экзекуции, проведенные «Коммандо-11б» под руководством Вернера Брауне в декабре 1941-го в Симферополе...»

Но если Олендорф в Симферополь не ездил, а Брауне утверждает, что однажды «они с господином Олендорфом вместе присутствовали на экзекуции», то это значит...

Это значит, что они вместе присутствовали на экзекуции... в Одессе на Дальнике!

Это значит, что после взрыва Дома на Маразлиевской сам обер-убийца Олендорф прибыл в Одессу и присутствовал на бойне. Немудрено, что убийство проходило с такой звериной жестокостью, видимо, всем участникам очень хотелось отличиться.

В 1947-м на процессе «Эйнзатцгруппе СС» фигурировали 24 обвиняемых и приговор трибунала гласил: *«Никогда прежде 24 человека не представляли перед судом по обвинению в убийстве свыше миллиона себе подобных».*

Трудно сказать, откуда взялись эти странные цифры – всего 24 обвиняемых и всего «свыше миллиона» жертв?!

Ладно, пусть всего 24 обвиняемых и пусть «свыше миллиона» жертв!

Но почему к смертной казни были приговорены всего 14 убийц?

И почему из этих 14-ти повешены были только четверо?

Первый – командующий Эйнзатцгруппе «D» группенфюрер Отто Олендорф.

Второй – командующий Эйнзатцгруппе «B» бригаденфюрер Эрих Науман.

Третий – палач Бабьего Яра, командир Зондеркомmando «СК-4а», штандартенфюрер Пауль Блобель.

И четвертый – наш «положительный» герр Брауне.

Ни один человек, ни один еврей не остался на Дальнике в живых.

И то, что произошло, известно лишь из свидетельских показаний самих убийц.

Шли часы.

Противотанковые рвы были уже до краев заполнены трупами.

А толпы евреев из Одессы все прибывали и прибывали.

Убийцы начали нервничать.

Счет вели скрупулезно – пока удалось расстрелять около 4000. Вместе с теми 5000, повешенными вчера в городе, это всего 9000.

А Ордонанс № 561 требовал вдвое больше!

Во рвах места нет. Что делать?

На счастье, здесь же, неподалеку, стояло несколько амбаров для хранения зерна.

Чем амбары хуже противотанковых рвов!

Несколько тысяч евреев загнали в амбары.

В пробоины в стенах – память недавних боев – вставили пулеметы.

Теперь «дело» пошло быстрее.

Час за часом косят людей пулеметные очереди, и их треск сливается с дикими криками жертв.

Наступает ночь. А в амбарах все еще остаются живые люди, те, которых не смог настичь пулеметный огонь, те, которые, чтобы укрыться от этого слепого огня, прижались к стенам, легли на пол.

Убийцам все это уже надоело – они обливают амбары бензином и поджигают вместе с запертыми там живыми людьми.

Всю эту долгую октябрьскую ночь полыхало пламя. Его гигантские сполохи окрашивали кровью небосвод. Всю эту долгую октябрьскую ночь метались в амбарах сжигаемые заживо люди. Обожженные, голые, обезумевшие, они делали отчаянные попытки выбросить из огня детей, выбраться как-то самим...

Мало кому это удавалось. А тех, кому удавалось, расстреливал из пистолета сам подполковник Никулеску.

Впрочем, это были уже не люди, а горящие факелы.

Да и подполковника Никулеску вряд ли можно было назвать человеком – весь покрытый копотью и кровью, он скорее похож был на дьявола из преисподней.

Один из участников этого чудовищного преступления, младший лейтенант 10-го пулеметного батальона Алексе Някшу расскажет когда-нибудь, что в ту безумную ночь на Дальнике он видел в отсветах пламени пятилетнего ребенка, выброшенного матерью из огня. Подняв послушно ручки, он бродил один между трупами.

Ребенка застрелили не сразу – убийцы подарили ему еще минут десять жизни¹⁹.

¹⁹ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации, 1941–1944: сб. док. Иерусалим, Яд-Ва-Шем, 1991.

Ордонанс № 563: «ВЗОРВАТЬ!»

Дальник, 25 октября 1941 г. Позднее утро

Еще вчера в разгаре убийств, когда залитые кровью евреи падали в расстрельные рвы, а убийцы, в ужасе от содеянного, отходили куда-то в сторону и начинали молиться Богу, в Одессу пришла еще одна телеграмма из Бухареста.

Это был уже третий за последние сутки приказ Антонеску – Ордонанс № 563.

На этот раз адресатом, правда, был не «каналья» Трестореану, а старший по званию – генерал Мачич.

ИЗ ОРДОНАНСА № 563

генералу Мачичу – командующему 2-м армейским корпусом

24 октября 1941 г.

Маршал Антонеску приказывает:

Все лица, подлежащие казни по приказу № 562 от 23.10.41, но еще не казненные, а также те, которых можно подвести под этот приказ, должны быть загнаны в заранее заминированные бараки и взорваны.

Взрыв следует произвести в день похорон наших жертв.

Этот приказ следует уничтожить сразу же после ознакомления.

Глава Военного кабинета, полковник Давидеску

Евреев Одессы уже расстреливали, вешали, сжигали живыми, теперь их ждет еще одна казнь – они будут взорваны в заминированном бараке.

Трудно поверить в существование такого документа!

И поэтому в этой книге мы приводим его фотокопию.

Посмотрите внимательно!

Даже если вы не знаете румынского языка, то легко поймете, о чем идет речь, и сможете удостовериться в его подлинности.

Прежде всего номер приказа – вот он в первой строке: № 563.

Затем адресат: «general Macici».

Вначале как будто бы было написано Тресториану, а затем зачеркнуто и добавлено «Macici».

Далее: Маршал Антонеску «ordin» – «приказывает».

Пункт второй: «cladir» – «загнать», «in prealabil minata» – «в предварительно заминированные» бараки и «выбросить в воздух» – «arusa in aer».

Последний, третий пункт требует уничтожить приказ сразу же после ознакомления. И тем не менее рукописная копия приказа сохранилась.

Как это произошло?

Телеграмму из Бухареста принял вечером 24 октября 1941-го капитан Иванэску.

Он обязан был тут же ее расшифровать и передать генералу Мачичу, которому она была адресована. Но он, по его словам, в тот вечер якобы «не нашел» Мачича.

Странно, не правда ли?

Ведь были же у генерала адъютанты, которым можно и нужно было передать столь важную телеграмму? Был еще и «каналья» Тресториану, который так же, как и Мачич, отвечал за уничтожение евреев.

Но Иванэску «не нашел» Мачича – ни вечером, ни ночью и передал ему телеграмму только утром – 25 октября 1941-го.

Отчаянный капитан сделал еще одно вопиющее нарушение воинской дисциплины – сохранил копию расшифрованной телеграммы!

Дважды в Одессу звонили из Бухареста и напоминали о необходимости уничтожить все следы Ордонанса № 563.

И тем не менее...

Дальнейшая судьба капитана Иванэску не известна. Известно лишь то, что его мужественный поступок не смог предотвратить преступление.

Один из заполненных евреями и еще не сожженных амбаров был заминирован и взорван. Взрыв прогремел не в день похорон погибших при взрыве комендатуры, как требовал Антонеску, но все же в достаточно «символичное время» – в 17 часов 30 минут – примерное время взрыва Дома на Маразлиевской.

Мощная взрывная волна разбросала исковерканные человеческие тела по всей округе. Земля была залита кровью и усеяна останками.

Сами убийцы, солдаты и офицеры, были потрясены этой картиной. Даже на полях сражений не приходилось им видеть подобного ужаса.

Говорят, что в этом последнем амбаре не было еврейских мужчин – только дети и женщины.

Дом на Дзержинского

На улицах Одессы еще висели, раскачивались на ветру 5 тысяч повешенных, на Дальнике уже были расстреляны и сожжены еще около 22 тысяч, когда 24 октября 1941-го немцы вошли в Харьков.

И все повторилось по тому же сценарию.

Как в Киеве, как в Одессе.

Вначале евреев просто вешали и убивали на улицах, а через несколько дней прогремел взрыв: 14 ноября в 3 часа 30 минут утра взлетел на воздух Дом на Дзержинского, который занимал военный комендант генерал-майор фон Браун.

В тот же день прогремело еще несколько взрывов, и сегодня уже известно, что все эти взрывы осуществил коллега нашего генерала Хренова, полковник Старинов.

Говорят, что саперы ошибаются только один раз. Полковник Старинов, наверное, ни разу не ошибся, потому что прожил жизнь длиной в 100 лет – с 1900 года, когда родился где-то на пути в Москву, в будке железнодорожного сторожа, и до 2000-го, когда умер в Москве знаменитым профессором.

Всю свою жизнь этот человек занимался минами – противотанковыми, противопехотными, минами замедленного действия, минами-сюрпризами и, наконец, минами, управляемыми по радио.

Одну из таких мин установили в Харькове в доме № 17 по улице Дзержинского. Этот одноэтажный особняк был построен в 30-х годах для первого секретаря ЦК компартии Украины, будущего «врага народа» Косиора.

В 1939-м, после расстрела Косиора, его занял Хрущев, а теперь вот – фон Браун.

Генерал не сразу занял этот престижный особняк – он панически боялся советских мин, а потому вначале расположился в какой-то хибарке на окраине Харькова и послал в особняк саперов. Профессиональные немецкие саперы сразу же обнаружили в подвале под грудой угля огромную мину, обезвредили ее и доложили генералу, что дом «чист». И никому не пришло в голову, что прямо под этой миной спрятана еще одна – управляемая по радио, которая только и ждет сигнала на взрыв.

В тот же день, 13 ноября 1941-го, около полуночи, фон Браун переехал.

А на рассвете прогремел взрыв.

Когда растаял вызванный взрывом дым, от Дома на Дзержинского осталась лишь огромная яма да обломки рояля, принадлежавшего когда-то «врагу народа» Косиору.

Генерал Георг фон Браун погиб. Точно так же, как три недели назад погиб в Одессе генерал Ион Глогоджану.

Реакцию гитлеровцев нетрудно было предугадать.

Она была такой же, как в Киеве, как в Одессе, – 14 декабря 1941 года по приказу нового военного коменданта генерал-лейтенанта фон Путткамера около 25 тысяч евреев пригнали в Дробицкий Яр и расстреляли.

И вот что удивительно, расстрелом евреев Харькова руководил прибывший специально для этой цели из Киева палач Бабьего Яра, штандартенфюрер Блобель. Точно так же, как для уничтожения евреев Одессы прибыл из Ясс подполковник Никулеску-Кока.

Когда закончилась эта война, еще многие годы, во время паводков, из Дробицкого Яра всплывали человеческие кости. Белые и блестящие, они как будто светились и были видны издалека среди зелени первой травы.

И тут возникает вопрос: почему все эти взрывы, не имеющие вроде бы военного значения, прогремели на Украине, причем именно в тех городах – Киеве, Одессе и Харькове, где было большое число евреев. Ведь именно эти взрывы дали возможность и немцам, и румынам в качестве карательных мер «с полным правом» осуществить массовое убийство.

И еще...

Если было известно заранее, что взрывы спровоцируют убийство, то почему после Киева была Одесса, а после Одессы – Харьков?

Что же, без этих взрывов нельзя было одолеть Гитлера?

И тут мы снова возвращаемся к Гагской конвенции, о которой так своевременно напомнил «Красной Собаке» утром 23 октября 1941-го «милый друг» Михай.

Краеугольным камнем этой конвенции является «принцип гуманизма».

Принцип как будто вполне понятен, но его соблюдение затруднено, поскольку связано с вопросом «военной необходимости».

Между «принципом гуманизма» и «военной необходимостью» существует прямая корреляционная связь и... извечный вопиющий конфликт.

И в этом конфликте Гагская конвенция отдает безусловный приоритет «принципу гуманизма».

По существующим международным законам, государство для сохранения своего суверенитета имеет «право на войну», но и во время войны оно обязано соотносить свои действия с «принципом гуманизма». И никакая ссылка на «военную необходимость» не может оправдать создание угрозы для жизни, здоровья и достоинства людей.

Насилие может быть применено только в целях «преодоления противника» и только против «участников военных действий» – это норма международного права.

Нарушение нормы является военным преступлением²⁰.

После освобождения Харькова при раскопках Дробицкого Яра был найден труп десятилетней девочки в осеннем пальтишке, со сквозным пулевым ранением теменных костей.

И еще один труп – семилетней девочки в валенках и теплой шапочке...

И еще один труп... И еще... И еще...

Все мы – вытравленные из своих колыбелей – в расстрел.

²⁰ Арцибашев И. Н., Егоров С. А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия». М.: Междунар. отношения, 1992.

*Все мы – выползшие из-под мертвых идей и тел.
Мертвецами мы были завалены.
Труп – на трупе, а сверх всего
придавило нас трупом Сталина, —
еле выбрались из-под него...*

*Евгений Евтушенко
«Дробящие яблоки». Тбилиси, 2004*

До последней буквы!

Дальник, 26 октября 1941 г. Рассвет...

Мы снова на Дальнике.

Все кончено.

Безумная ночь уступила место зловещему утру.

Еще не остыла кровь в расстрельных рвах, еще дымятся взорванные амбары, и воздух все еще пропитан запахом смерти...

Сворачиваются и уходят из Дальника убийцы: солдаты 10-го пехотного батальона, агенты Оперативного эшелона SSI, «наши замечательные парни» из Эйнзатцкомmando «ЕК-11b».

Завтра воскресенье – убийцы уходят на заслуженный отдых.

Но, несмотря на воскресенье, в 10 часов утра глава Военного кабинета полковник Давидеску требует от командующего 4-й армией генерала Якобича доложить о результатах выполнения Ордонанса № 563.

Ответ был краток: **«Ордонанс № 563 выполнен AD LITTERAM».**

Ордонанс № 563 выполнен **«до последней буквы».**

Преступления, которые совершили убийцы по приказам «Красной Собаки», были так ужасны, что человеческий разум отказывается их постичь.

За 10 дней варварства в Одессе было уничтожено – расстреляно, повешено, сожжено и взорвано – более 64 тысяч евреев:

17—18 октября на улицах города и в порту убито – 8000;

19 октября в артиллерийских складах сожжено – 25 000;

23 октября, после взрыва Дома на Маразлиевской, повешено – 5000;

24 октября на Дальнике расстреляно – 4000;

24—25 октября на Дальнике сожжено и взорвано – 22 000.

На Дальнике убийцы сумели уничтожить 26 тысяч человек.

Но ведь вышло-то на Дальник больше, гораздо больше, где-то около 90 тысяч.

Что стало с ними?

ИЗ ДНЕВНИКА АДРИАНА ОРЖЕХОВСКОГО

«24 октября 1941 г., вечером. Темень на дворе ужасная. Выстрелы очень редки, вероятно потому, что всех «врагов» выгнали из города.

Моя мысль невольно следует за этой толпой, которая сейчас или еще плетется, или где-нибудь у дороги сделала привал на ночь. Но где, в степи, на голой мокрой земле, с ребятами, стариками, больными, усталые, продороженные и голодные? Ведь вся эта толпа не меньше чем 100 тысяч, если не больше.

До Дальника они не могли прийти за такое короткое время, т. к. в путь пошли не раньше 11–12 часов, а многие и того позже. Значит, за 8 ч. пути 19 км не пройдут без привычки и с тяжелыми узлами в руках. Да и в Дальнике нет пристанища для такой массы людей.

*А сколько нужно времени, чтобы эту массу зарегистрировать?
По моему мнению, никакой регистрации там не будет, а просто поддержат их там некоторое время и отправят по домам.
Правда, это было бы в лучшем случае.
Но что еще можно придумать?»*

А вот и придумали!

Те, кто пришел на Дальник в первой половине дня, все, до единого, были расстреляны, сожжены и взорваны.

А тех, кто добрался сюда к вечеру, как Фаничка и Янкале, загнали на местное кладбище. К ночи 24 октября там скопилось около 60 тысяч человек.

Никулеску был в полной растерянности.

Опять перебор?! Ну, точно, как в картах...

Что с ними делать, со всеми «этими жидами»?

Уничтожить их нет никакой возможности – ни во рвах, ни в амбарах места нет.

Да и солдаты устали.

Пока начальство там, генералы Мачич и Трестиореану, прохлаждаются, он тут один должен за всех отдуваться.

Никулеску приказывает оцепить весь район и оставить всю эту жидовскую сволочь здесь – на кладбище – на ночь.

Для предотвращения возможных эксцессов солдаты выудили из толпы немногих бывших там мужчин, увели в ближайшую балку и расстреляли. Затем – еще один необходимый шаг – сбор «холодного оружия» и «драгоценностей».

На этом интерес к жидам испарился, и их оставили в покое.

И наступила ночь.

В эту ночь вряд ли кто-либо из евреев мог уснуть. Эта ночь, освещенная заревом горящих амбаров и наполненная дикими криками сгорающих заживо людей, показалась им удивительно короткой. Слишком короткой.

О чем они думали, наши матери, бабушки, сидя всю эту ночь на могильных плитах? О чем молились? На что надеялись?

С рассветом солдаты подняли евреев с земли, вывели за ворота кладбища и погнали.

В этой толпе шла и Фаничка, держа крепко за руку сына.

От Янкале: Мы бежим с Дальника

Одесса, 24 октября 1941 г. 8 дней и ночей под страхом смерти

Я хорошо помню то утро и двор Еврейской больницы, и большие черные ворота, и много людей. На рукавах у них белые повязки с Красным Крестом.

Они собираются идти «на регистрацию», на Дальник.

И мы должны идти вместе с ними.

Но Дальник, как все здесь говорят, далеко, и бабушке будет тяжело до него дойти, а у тети Цили вообще ноги больные, и она не может ходить.

Поэтому мама побежала к жене доктора Кобозева просить разрешения оставить их ненадолго в больнице, пока мы не вернемся с «регистрации».

Я ждал маму во дворе у ворот, где вся колонна стояла.

Но пока мама бегала к Кобозевой, колонна ушла.

И теперь нам придется ее догонять.

Поэтому мы пошли быстро-быстро.

На тех, кто шел медленно, нападали бандиты. Один раз я даже сам видел, как двое парней вырывали сумку у старенькой бабушки. Бабушка упала и стала кричать: «*Люди, люди, помогите! Грабят!*»

Но никто ей не стал помогать, и мы не стали, потому что очень спешили, боялись опоздать на «регистрацию».

Но вот наконец мы, кажется, пришли – справа от нас забор и ворота.

У ворот солдаты. Они загоняют нас внутрь.

Что это? Кладбище?

Люди сидят на плитках, на земле. Мы тоже садимся.

Стал накрапывать дождь. Где же эта «регистрация»?

Хочется есть. Мама достала из сумки сухарики.

Она все оглядывается по сторонам, ищет врачей из нашей больницы, которых мы так и не догнали. Врачей почему-то здесь нет.

Зато она вдруг заметила папу – мой папа не жил с нами и, наверное, пришел на Дальник один.

«*Янкале, посмотри, вон папа, подойди к нему!*» — сказала мне мама.

Я подошел.

Папа увидел меня, обрадовался, поцеловал.

Но тут солдаты стали собирать мужчин на работу.

Один толкнул папу прикладом: «*Гайда! Гайда! Работа!*», а потом посмотрел на меня, зыркнул так своими глазами и говорит: «*Мальчишку собой. Большая мальчишка!*»

Папа отступил от румына и как закричит: «*Беги к маме! Слышишь, беги! Скорее – к маме!*»

Я побежал...

Быстро так побежал, даже запыхался.

Сел возле мамы на полу ее плаща и почему-то заплакал.

Солдаты стали ходить между могилами и забирать у нас перочинные ножики и другие всякие вещи. Мама тоже сняла с пальца свое колечко.

Стемнело. Я очень хотел спать и положил голову к маме на колени.

Земля была сырой и неровной.

Со всех сторон подбирался холод.

Я спал и не спал. Слышал сквозь сон какие-то крики по-русски и по-румынски. Где-то плакали дети. Где-то строчил пулемет. Где-то, наверное, был пожар, потому что небо было все красное и пахло дымом.

Мужчины, которых увели на работу, обратно уже не вернулись.

Не вернулся и мой папа.

Больше я его никогда не видел, и даже его фотографии у меня нет.

А в ту ночь я, наверное, все-таки заснул, потому что вдруг слышу, мама шепчет мне в самое ухо: «*Проснись, Янкале, проснись! Нужно идти!*»

Открываю глаза. Вижу: солдаты толкают людей прикладами, орут: «*Станд мамалуй, репете!*» – «*Встать, вашу мать, быстро!*»

Все вокруг нас поднимаются с земли. Собирают вещи, идут к воротам.

Кто-то спрашивает: «*Куда нас гонят?*»

Кто-то говорит: «*На станцию Дачная.*»

Люди идут, выходят через ворота на дорогу и сворачивают направо. Мама крепко держит меня за руку. Вдруг она наклоняется ко мне и тихо так говорит: «*Янкале, мы должны бежать.*»

Я не понял. Как бежать? Куда бежать?

Мы идем по краю дороги, вдоль придорожной канавы, очень близко к канаве, и тут мама оглядывается по сторонам и тащит меня за плечи куда-то вниз и...

Мы падаем в канаву...

«Ушибся?» — тихо спрашивает.

«Ничего», — так же тихо отвечаю я.

Мы прижимаемся к земле. Вдавливаемся в грязь.

В тумане нас, кажется, никто не заметил.

Лежим. А колонна уходит.

Вот уже затих шум, не слышно окриков румын...

Мама осторожно выглядывает из канавы: вокруг никого нет.

Мы выползаем на дорогу.

Счищаем с одежды грязь и идем.

Идем туда, откуда пришли.

Идем обратно в Одессу...

Между-действие первое: Когда в Одессу пришла война

...каждый хотел бы родиться в Одессе, но не всем это удастся....
Леонид Утесов

Мадригал

Одесса, 26 июня 1941 г. До трагедии евреев осталось 110 дней и ночей

Теперь оставим ненадолго двух еврейских детей в «Городе Антонеску» – Ролли в Тюремном замке, а Янкале в Еврейской больнице, куда они дотащились после отчаянного бегства с Дальника.

Оставим их под угрозой ежеминутной смерти.

И вернемся на четыре месяца назад к тем дням, когда в Одессу пришла война.

26 июня 1941-го.

Пятый день идет война.

Где-то на Западном фронте германские бронированные клинья завершают окружение Минска и уже угрожают Смоленску и Москве. Где-то на Юго-Западном механизированный корпус генерал-лейтенанта Дмитрия Рябышева уже вступил в неравный бой с танковой группой генерал-фельдмаршала Людвиг фон Клейста.

А на Южном фронте все еще тишина – объединенные румынские и немецкие армии под командованием генерала Антонеску все еще ждут чего-то. Ждут и не начинают наступление, но, несмотря на это, в Одессе объявлено военное положение.

В город пришла война.

Правда, пока еще трудно представить красавицу Одессу в военной шинели.

Трудно представить, что этот обычно искрящийся весельем город в одночасье станет суровым. Трудно представить, что в летних прозрачных сумерках вдруг не зажгутся старинные газовые фонари у Оперного театра, что в десять вечера захлопнутся двери гастронома на углу Дерibasовской и Преображенской, а еще через час прекратится показ кинофильма в Кино-Уточкино в Городском саду. Трудно представить, что еще до полуночи разойдутся по домам завсегдатаи ресторана гостиницы «Лондонская» на Николаевском бульваре – обычно они расходятся только на рассвете. Трудно представить, что с двенадцати ночи и до четырех с половиной утра будет действовать «комендантский час» и улицы станут темными и безлюдными.

Но еще труднее представить, что через 110 дней и ночей Одесса станет «Городом Антонеску».

О-де-с-с-а...

Само это слово, протяжно звучащее в устах одесситов, ласкает слух.

Одесса всегда была необыкновенным городом. Городом, который очаровывал, пленял, городом, который буквально влюблял в себя.

Прямые, зовущие в море улицы, ансамбли зданий, каждое из которых – шедевр легендарных зодчих Фраполли, Боффо, Бернардацци...

О-де-с-с-а...

Вслушайтесь в музыку этого слова.

Вряд ли есть в мире другой такой город, где люди способны шутить и смеяться даже тогда, когда на душе «скребут кошки». Шутить и смеяться над всем и над всеми и в первую очередь

над собой. Шутить и смеяться, и рассказывать анекдоты, смешные и грустные, чисто одесские анекдоты, которые в страшные сталинские времена могли стоить рассказчику по меньшей мере ГУЛАГа.

Вряд ли есть в мире еще одна такая «нация» – «одесситы», которая говорит на столь странном наречии – конгломерате множества языков, щедро сдобренном особым одесским юмором и смягченном неповторимой чисто одесской интонацией.

Во все времена, даже самые трудные, «весело» было жить в Одессе!

Мы, наверное, все-таки пристрастны к нашему родному городу, как когда-то «намеренно пристрастен» был Ицхак Бабель: *«...и пристрастен я действительно и, может быть, намеренно, но parole d'honneur, в нем... в этом городе!.. что-то есть».*

Так что же есть в ней, в Одессе?

В чем ее колдовство?

Откуда эта странная магическая сила?

Что это?

Пьянящий аромат белой акации по весне? Согретые ласковым летним солнцем пески Аркадии? А может быть, это стук созревших светло-коричневых каштанов о синие базальтовые плиты тротуара? Или мокрые от первого дождя багряные листья платанов на дорожках Французского бульвара?

Почему она так притягивает к себе, даже издалека, даже после долгих лет разлуки?

Почему так ощутимо присутствует в жизни покинувших ее людей?

Почему слагает ей проникновенные стихи Вера Инбер, давно уже ставшая «ленинградкой»? Почему Петр Нилус, ставший «парижанином», *«готов отдать все деревья мира за одну акацию на Херсонской улице»*? Почему, по признанию Леонида Утесова, одно лишь случайно услышанное слово «Одесса» заставляет трепетать его сердце, а Ефим Лодыженский, большую часть своей жизни проживший в Москве, раз за разом продолжает воссоздавать ее образ?

Почему в дневниковых записях Юрия Олеши, сделанных в Петербурге и в Москве, возникают вдруг одесские каштаны: *«Каштаны... Каштаны... Забуду ли когда-нибудь это дерево, цветущее розовыми свечами?.. Не птица ли это? Странная, расфуфырившая хвост, усатая птица!»*

Почему великий мастер детектива Жорж Сименон, посетивший однажды Одессу, приезжает сюда снова через 30 лет, чтобы показать этот город сыну?

Почему так пронзительна боль Владимира Жаботинского: *«Вероятно, уже никогда не видать мне Одессы. Жаль, я ее люблю. К России был равнодушен всегда... Но Одесса – другое дело: подъезжая к Раздельной, я уже начинал ликующе волноваться...»*?

Почему даже герцог Арман дю-Плесси де-Ришелье, бывший по редкой случайности первым нашим градоначальником, продолжал и в Париже, в зените славы, тосковать по «волшебному городу» и писал друзьям: *«Ни время, ни бурные события не в силах заставить меня забыть Одессу. Сей волшебный город манит меня, и я не могу уже более противиться этому. Да и зачем?»*

Какая щемящая тоска...

Так не тоскуют по городу. Так тоскуют по любимому человеку.

Вот оказывается, в чем заключается колдовство!

Вот откуда она, эта магическая сила!

Это любовь!

Одесса с самого дня ее рождения была окутана любовью.

Одесса – это плод любви.

Плод любви

Правда это или красивая сказка, но Одесса – это плод любви.

Плод любви мужчины и женщины.

Может быть скоротечной, может запретной, может в чем-то неправильной...

Но кто дал право нам, грешным, судить Любовь?

Любови бывают разные: одна взвывается, шутихой, криком страсти прорежет ночное небо, осветит все вокруг и... погаснет. Другая – жестокая, как лесной пожар, отгорев, оставит после себя лишь выжженные сердца.

А есть и такая, что тлеет всю жизнь, как угли домашнего очага, согревая своим теплом все вокруг. Какая из них «правильная»? Какая «запретная»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.